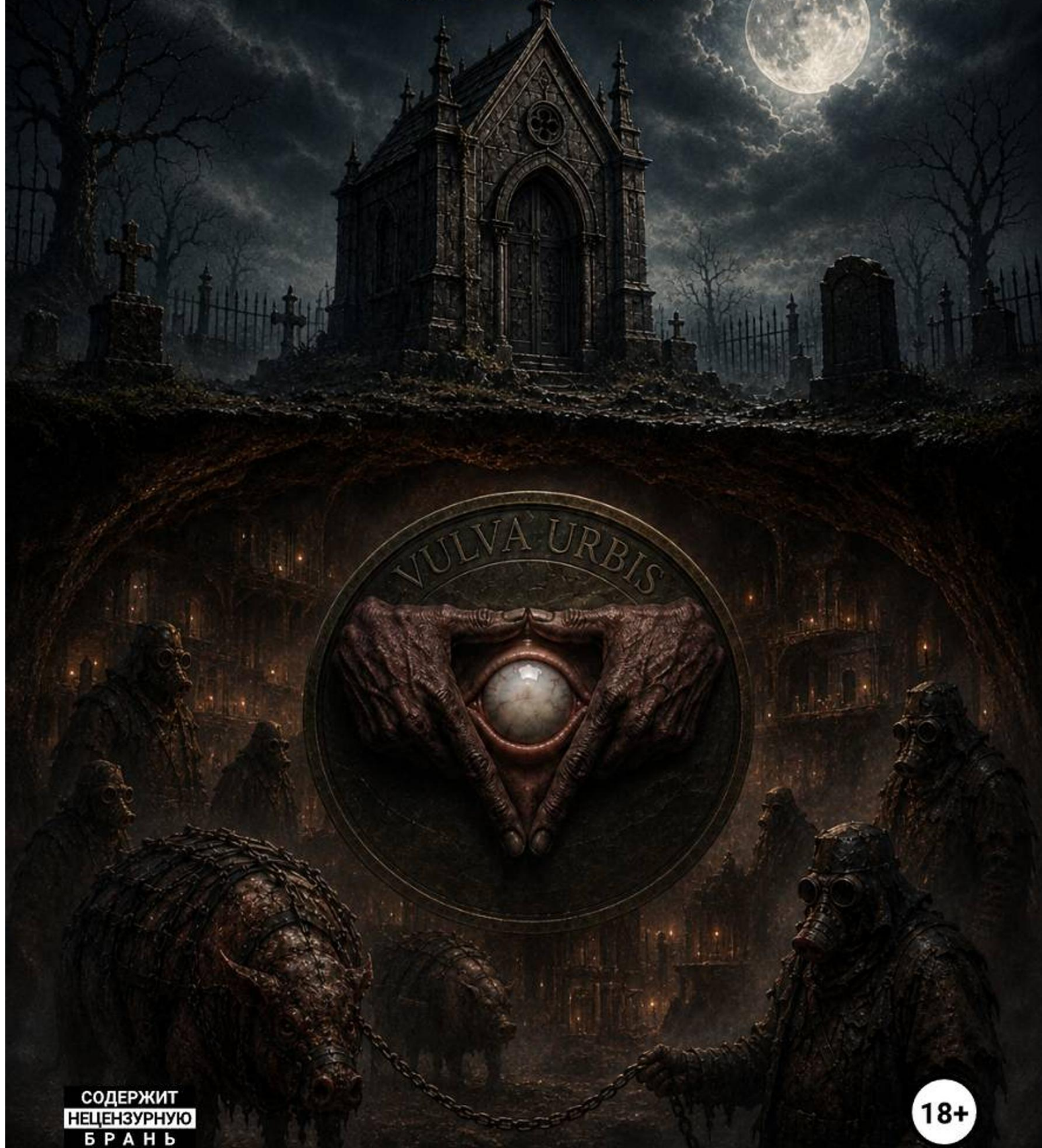

ХЛЯБЬ ОБЕТОВАННАЯ ЛОНО І

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПАРХОМ ГЫПОПО

Пархом Гыпопо

Хлябь Обетованная

«Автор»

2026

Гыпопо П.

Хлябь Обетованная / П. Гыпопо — «Автор», 2026

Смерть — это не конец. Это попадание. Мир, где материя держится на воле. Где тела существуют, пока душа тратит себя на их поддержание. Где города — это язвы внутри гигантского организма, пытающегося переварить человеческое сознание. Здесь нет прогресса. Форма распадается быстрее, чем её успевают создать. Технологии невозможны — их стирает коллективное недоверие. Письменность бессмысленна — бумага гниёт быстрее, чем высыхают чернила. Деньги тают, если их не тратить. Еда — это чужое воспоминание о вкусе. Выжить можно только в городе. Но за стенами — туман, дороги-шрамы и охотники на свежих. А внутри — элита, жаждущая новых тел, и толпа, сжигающая остатки себя ради ещё одного дня. Это не ад. Это не чистилище. Это желудок. И ты — его пища. Добро пожаловать в Хлябь.

© Гыпопо П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Table of Contents	5
Annotation	6
Хлябь Обетованная 1.	7
2.	13
3.	18
4.	23
5.	28
6.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Хлябь Обетованная

Table of Contents

Хлябь Обетованная

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.
- 6.
- 7.
- 8.
- 9.
- 10.
- 11.
- 12.
- 13.
- 14.
- 15.
- 16.
- 17.
- 18.
- 19.

Annotation

Смерть — это не конец. Это попадание.

Мир, где материя держится на воле. Где тела существуют, пока душа тратит себя на их поддержание. Где города — это язвы внутри гигантского организма, пытающегося переварить человеческое сознание.

Здесь нет прогресса. Форма распадается быстрее, чем её успевают создать. Технологии невозможны — их стирает коллективное недоверие. Письменность бессмысленна — бумага гниёт быстрее, чем высыхаю чернила. Деньги тают, если их не тратить. Еда — это чужое воспоминание о вкусе.

Выжить можно только в городе. Но за стенами — туман, дороги-шрамы и охотники на свежих. А внутри — элита, жаждущая новых тел, и толпа, сжигающая остатки себя ради ещё одного дня.

Это не ад. Это не чистилище. Это желудок. И ты — его пища.

Добро пожаловать в Хлябь.

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.
- 6.
- 7.
- 8.
- 9.
- 10.
- 11.
- 12.
- 13.
- 14.
- 15.
- 16.
- 17.
- 18.
- 19.

Хлябь Обетованная 1.

ooo

... Сначала было неприятно. И так уже было прежде...

Не боль — именно неприятно. Как будто что-то внутри сдвинулось не туда, куда привыкло. Тяжесть, вязкая, тянущая, медленно расплзающаяся по нутру. Там, где обычно всё шло само, без внимания, теперь что-то мешало.

Оно заворчалось. Не просыпаясь до конца. Скорее вздрагивало — как вздрагивают во сне, когда тело вдруг вспоминает о себе. Внутри прошла волна. Потом ещё одна. Глубже. Медленнее. Сдавило, отпустило, снова сдавило.

Жгло. Слабо, но настойчиво. Как “что-то”, что не решается стать настоящей болью.

Оно попыталось перевернуться — не движением, а усилием. Нечто сжалось само, без команды. Нутро ответило спазмом. Волна прокатилась дальше, ниже, глухо отозвалась где-то глубже и начала стихать.

Что-то поднялось вверх. Горькое. Тёплое. Вышло наружу коротким, вязким толчком — и сразу стало легче.

Тяжесть расплзлась, растворилась. Жжение ушло, будто его и не было. Внутри снова стало ровно, привычно, глухо.

Оно ещё немного подёргалось — по инерции, по памяти — и снова замерло.

Сон сомкнулся быстро. Глубоко. Как будто ничего и не происходило.

Всё продолжилось, как и было до...

ooo

Софья вспомнила тот пыльный, пахнувший терпентином полумрак и момент, когда Стасик сбросил халат. В училище их заставляли часами копировать гипсовые слепки Давида и Аполлона. Преподаватели твердили о «золотом сечении» и гармонии. У античных героев всё было... скажем так, очень скромно и аккуратно. У Стасика всё было иначе. Вопреки античным

канонам, природа там явно не поскупилась. Софья помнила, как у неё перехватило дыхание. И дело было вовсе не в художественной оценке пропорций. Она с ужасом и тайным восторгом чувствовала тогда, как при взгляде на эту «убедительную натуру» внутри, где-то внизу живота, начинают порхать бабочки. Это было совсем не то чувство, которое испытываешь к гипсовому Аполлону.

Маленький Як-40 трясло так, словно небесная канцелярия решила сделать из него коктейль. Самолёт проваливался в воздушные ямы с глухим уханьем, от которого желудок подпрыгивал к горлу, а старая обшивка скрипела, жалуясь на судьбу.

Софья прижалась лбом к холодному, запотевшему стеклу иллюминатора. «Только бы не угробили этюдник», — мелькнула тревожная мысль. Там, в багаже, лежал её главный инструмент. Набор дефицитных ленинградских красок, кисти из колонка, холсты. Софья заканчивала знаменитую одесскую «Грековку», факультет станковой живописи. Самое престижное направление. Через полгода защита диплома, и ей нужно было что-то особенное. Весь курс, как сговорившись, писал порт, рыбаков или Привоз. Софье же хотелось масштаба, строгой вертикали и холодного света. Ей нужны были горы.

В кармане пальто лежала путёвка в военный санаторий на Красной Поляне. Досталась она ей с боем. Сначала Софья неделю ныла матери, что без натуры в горах она завалит диплом. Потом мама, включив «тяжелую артиллерию», пилила мужа. Отчим, профессор и декан филфака ОГУ, сдался на третьи сутки. Он поднял трубку и позвонил своему школьному другу Грише, с которым когда-то сидел за одной партой, а теперь тот носил лампасы на брюках и сидел в штабе 5-й Воздушной Армии на Фонтане. — Неделя, Аркаша, это всё, что могу, — прогудел тогда генерал в трубку. — Санаторий ведомственный, закрытый. Но для твоей дочки выпишу «курсовку».

— Софья, ты должна понимать, куда едешь, — внушал ей отчим перед вылетом, вручая заветный бланк. — Там сейчас сборы у олимпийской сборной, там лётная элита отдыхает. Люди серьезные, героические. Мама при этих словах многозначительно поправила прическу, явно намекая, что «героический лётчик» — это не только натура для этюда, но и неплохая партия.

Софья улыбнулась своему отражению в темном стекле иллюминатора. «Героические люди. Элита». В голове непрощенно, но очень ярко всплыл образ Стасика — натурщика, которого они рисовали в прошлом месяце. Официально, в классах училища, Стасик позировал в плавках — скучный, зажатый, похожий на учебное пособие. А потом, скинувшись по трёшке, девчонки уговорили его попозировать «для души» на чердаке-мезонине у Ленки. Уже без плавок.

«Интересно, — подумала она сейчас, глядя на крыло самолета, врезающееся в тучу. — А у этих спортсменов и военных... у них тоже всё как у Стасика? Или они как статуи?» Ей вдруг стало жарко. Очень хотелось, чтобы отчим оказался прав, и санаторий был полон настоящих, живых мужчин, от одного взгляда на которых забываешь про композицию и перспективу.

— Уважаемые пассажиры, — прохрипел динамик, сбивая наваждение. — Наш самолет приступает к снижению в аэропорту города Адлер. Температура за бортом плюс два градуса, дождь со снегом.

Софья вздохнула. Мечты разбились о сводку погоды. «Плюс два. Здравствуй, юг». Она плотнее закуталась в шарф. Соседка, полная дама, испуганно перекрестилась на очередном толчке. — Ой, мамочки, — прошептала она. — Хоть бы долетели. — Долетим, — тихо сказала Софья. Внизу, в разрыве туч, блеснуло море. Стальное, тяжелое, как свинец. «Ладно, — решила она. — Даже если не найду своего героя, то хоть напишу шедевр».

Турбины Як-40 взвыли на высокой ноте перед последним разворотом к парковке и затихли. Самолёт качнуло, когда он неуклюже зарулил на стоянку. Сзади, из-под хвоста «Окурка», с лязгом вывалился трап.

В салон ворвался сырой, холодный воздух. Пассажиры повскакивали с мест, создавая затор. Софья первым делом притянула к себе этюдник, ощупала углы, проверила замки. — Цел, — выдохнула она. Это было главное. Подхватив свою драгоценную ношу, она вместе с толпой спустилась на бетон, набилась в душный перронный автобус-прицеп, который медленно довез их до терминала.

Как только она вышла на площадь перед аэропортом, настроение упало ниже нуля. От остановки, фыркая сизым дымом, отчаливал старенький «ЛАЗ». Табличка на заднем стекле была залеплена грязью, но Софья успела разобрать: «...АЯ ПОЛЯНА». Автобус мигнул габаритами и растворился в сумерках. Софья метнулась в здание, к стеклянной будке справочной. — Скажите, следующий на Поляну когда? Женщина за стеклом, не отрываясь от кроссворда, буркнула: — Ушёл. Только что хвост показал. Этот был последний. — Как последний?! — ужаснулась Софья. — А... проходящий? Хоть какой-нибудь? — Девушка, девятый час, — лениво махнула рукой тетка, даже не глянув на неё. — База спит. Следующий рейсовый только завтра утром. В семь сорок. — В семь утра?! — голос Софьи дрогнул. — А как-то быстрее? Нам... мне сегодня надо! — Ну, если надо... — тетка зевнула. — Езжайте на автовокзал, — лениво махнув рукой. — Тут недалеко, километра три-четыре. Там маршрутки чаще ходят. Вон, автобус двести третий идет, или пешком, если гулять любите.

Софья вышла на улицу. Погода шептала: «Умри от тоски». Мокрый снег вперемишку с дождем, пальмы в белых шапках — сюрреализм чистой воды. И тут же её взяли в оборот. Трое «бомбил» возникли из тумана, как стервятники. Первый, смуглый, в огромной кепке-«аэродроме», преградил путь: — Красавица, куда едем? Поляна? Садись, домчу как ветер! Машина — зверь! — Сколько? — сухо спросила Софья, уже зная, что сейчас будет цирк. — Семьдесят рублей! — выпалил он, даже не моргнув. — Гололёд, ночь, серпантин... Я жизнью рискую! Софья чуть не поперхнулась. Семьдесят?! Это полторы её стипендии. Вторым, толстым, замотанным в мохеровый шарф по самый нос, толкнул коллегу плечом: — Слушай, не пугай девушку. Какая семдесят? — Он повернулся к Софье, расплываясь в масляной улыбке. — Полтинник, дорогая. «Волга», печка греет, музыка играет! — Мужики, имейте совесть, студентка же, — вмешался третий, русский, с мятым лицом. — Девушка, иди ко мне. За сорок отвезу. Считай, даром.

Софья смотрела на них как на сумасшедших. Деньги у неё были — папа всучил сотню «на карманные расходы», плюс свои сбережения. Но отдать сорок рублей (40 рублей!) за сорок километров? — Ага, я дома за эти деньги катер могу снять и кататься вдоль побережья полдня, подумалось ей. В ней проснулась не жадность, а принцип. Знаменитый одесский принцип: «Я не лох, чтобы вы меня так имели». — За сорок? — переспросила она, прищурившись. — А лицо у вас не треснет? Государственная цена три рубля на автобусе. На «рафике» — десятка с человека. — Так то автобус! — захохотал «Кепка». — А то такси! Индивидуальный подход! — Десять рублей, — отрезала Софья. — И ни копейкой больше. Бомбилы переглянулись и дружно заржали. — За десятку я тебе только дверь подержу, — фыкнул Славянин, теряя маску доброты. — Иди, девочка. Вон остановка, жди своего автобуса. Как раз к утру доедешь.

Софья гордо вскинула подбородок, перехватила потяжелевший чемодан и развернулась. — И доеду! Она зашагала прочь, к остановке городского транспорта. Пусть душно, пусть с пересадками, но кормить этих рвачей она не собиралась.

ooo

В купе пахло пыльным сукном, вареной курицей и чужими ногами. Запах был густым, плотным, хоть ножом его режь — классический аромат поезда дальнего следования, который уже двое суток ползет через всю страну на юг.

Егор лежал на верхней полке, уставившись в нависающий серый пластик потолка. Тудук-тудук. Тудук-тудук. Ритм колес вбивал в виски одну и ту же мысль, от которой не было спасения ни в Ленинграде, ни здесь, под Ростовом.

Снизу, с боковой полки, доносился мощный, раскатистый храп. Там спал какой-то отставник, счастливый человек. Накатил двести грамм, закусил огурцом — и нет проблем. Егор ему завидовал. У самого Егора внутри была звенящая, натянутая пустота. Старший лейтенант медицинской службы Егор Волков. Двадцать семь лет. Без пяти минут кандидат наук. Специалист по экстремальной психологии и реабилитации лётного состава. И рогоносец.

Он поморщился и повернулся к стенке. Холодное стекло вибрировало, передавая дрожь состава прямо в череп. Перед глазами снова всплыла та картинка. Прихожая их ленинградской квартиры. Чужие ботинки — растоптанные, грязные, сорок третьего размера. И её бежевый плащ, небрежно брошенный поверх кожаной куртки этого... Сначала он замер. Сердце пропустило удар, потом забилося где-то в горле. Первая мысль — глупая, спасительная: «Брат приехал? Сосед зашел починить кран?».

Он не стал разуваться. Прошел по коридору тихо, по-хозяйски, но внутри всё сжалось в ледяной комок. Дверь в спальню была приоткрыта на ладонь. Оттуда тянуло душным теплом. И звуки. Сначала — ритмичный, натужный скрип старого дивана. Потом — тяжелое, сбитое дыхание. И, наконец, её голос. Тихий, гортанный стон, переходящий в вскрик. Тот самый звук, который, как думал Егор, принадлежал только ему. Диагноз был окончательным. Ошибки быть не могло. Он не ворвался внутрь. Не стал орать. Просто стоял секунду, слушая, как рушится его мир. Потом развернулся, дошел до тумбочки в прихожей и аккуратно положил ключи. Металл звякнул о дерево — громко, отчетливо. В спальне затихли. Егор открыл дверь и вышел на лестницу, аккуратно прикрыв замок.

«Надо было морду набить, — лениво подумал он сейчас, глядя в темноту купе. — Эмоциональная разрядка. Выплеск кортизола. А я, как на вскрытии: зафиксировал время смерти и ушел мыть руки».

Теперь он ехал в Красную Поляну. В санаторий МО. Официально — писать диссертацию. Материал для работы там был уникальный, штучный. В ведомственный санаторий на реабилитацию свозили не просто уставших полковников и генералов, а людей, побывавших за гранью человеческих возможностей. Это была "сборная солянка" экстремалов: военные лётчики после аварийного катапультирования, которым нужно было лечить не столько компрессионные переломы, сколько "страх перед небом", подводники после тяжелых, полугодовых "автономок", с трудом привыкающие к открытому пространству. Здесь же, на высокогорной базе, восстанавливались и гражданские "сверхлюди" — элита советского спорта, члены олимпийских сборных. Горнолыжники, бобслеисты, борцы — те, кто сломался физически или перегорел морально перед важными стартами. Егору предстояло работать именно с этой группой: изучать, как мозг блокирует травмирующие воспоминания и искать способы перезапустить когнитивные реакции, чтобы вернуть человека в строй. Неофициально — зализывать раны. Начальник кафедры увидел, что старлея штормит, теряется концентрация, и отправил его в "командировку" в горы. — Ничего, — прошептал он. — Горы лечат. Гипоксия, нагрузки, режим.

За окном пронеслись редкие огни какого-то полустанка. Поезд замедлял ход. Где-то впереди, сквозь черноту ночи и ледяной дождь, уже угадывалось море. Егор сел, свесив ноги. Потёр лицо ладонями, пытаясь согнать липкую усталость. Руки не дрожали. Руки у него никогда не дрожали — профессиональная черта. А вот душа... душу, казалось, выскребли скальпелем без наркоза. Скоро станция. Хотелось выйти и вдохнуть глоток свежего воздуха.

— Граждане пассажиры! Санитарная зона! Подъезжаем! Бельё сдаём, матрасы скатываем!

Голос проводницы, визгливый и безапелляционный, ворвался в полудрему купе вместе с грохотом отодвинутой двери. Следом в спертый воздух ворвался густой, кислый запах из тамбура — смесь хлорки, табачного дыма и переполненного вокзального туалета.

Егор сел на полке, свесив ноги. Голова была тяжелой, словно набитой ватой.

Поезд, этот бесконечный зеленый гусеничный червь, наконец-то замедлял ход. Пассажирский «Ленинград — Адлер». Не фирменный, не скорый, а обычный «скотовоз», кланяющийся каждому столбу. В кассе военного коменданта предлагали подождать сутки до «Рицы», но Егору было всё равно. Ему нужно было движение, любой ценой, лишь бы подальше от питерской квартиры, где на тумбочке остались лежать ключи.

Внизу разворачивалась бытовая драма.

— Ба, ну дай попить! — ныла девочка лет шести, светловолосая, с растрепанными косичками. Она сидела на краю полки и с остервенением дергала за ногу одноглазую куклу. — Я пить хочу!

— Терпи, — шипела на неё бабка, грузная женщина в вязаной кофте, лицо которой лоснилось от пота. — Санитарная зона, титан закрыли. Я тебе говорила час назад: попей! А ты что?

— А я тогда не хотела-а-а! — затащила внучка на ультразвук.

— Не ной! — Бабка дернула её за руку, пытаясь стащить с полки скомканную простыню. — Встань, говорю! Дай бельё собрать! Весь мозг мне выела за дорогу, наказание...

Егор смотрел на них сверху вниз без раздражения. С профессиональным интересом.

«Гиподинамия, сенсорная депривация, легкая гипоксия, — машинально отмечал он симптомы. — У ребенка истощение нервной системы, у бабушки — гипертонический криз на подходе».

Люди в замкнутом пространстве быстро теряют человеческий облик.

Сосед-отставник, кряхтя, пытался найти под столом свои тапочки. От него густо несло перегаром и несвежими носками.

— Приехали, что ли? — хрипло спросил он, обращаясь в пустоту. — Ох, голова... Командир, — он поднял мутные глаза на Егора, — у тебя цитрамона не найдется? Или рассолу?

— Нет, — сухо ответил Егор. Он спрыгнул на пол, ловко увернувшись от локтя бабки.

Сдернул свое казенное, влажное на ощупь бельё. Серые штампы «Окт.ЖД» на простыне выглядели как тюремные печати. Скатал матрас в рулон. Движения были четкими, экономными.

— Ба, кукла упала! — взвизгнула девочка, ныряя под стол.

— Да оставь ты её! — рявкнула бабка, вытирая лоб тыльной стороной ладони. — Господи, за что мне это... Вставай, кому говорю! Сейчас выходить! Шапку надень, там продует!

— Не буду шапку! Там юг!

— Там тебе не Африка!

Поезд дернулся, лязгнули сцепки. За окном, в чернильной темноте, поплыли желтые пятна фонарей, какие-то пакгаузы, цистерны. Адлер. Конечная.

Егор накинул куртку, подхватил спортивную сумку — весь его багаж на ближайший месяц.

Выходить в этот гвалт не хотелось. Но оставаться здесь, в душном купе, пропитанном запахом чужой склоки и перегара, было еще хуже.

Вагон качнуло в последний раз, и он замер с протяжным скрипом тормозных колодок.

Егор первым шагнул в коридор, где уже толпились пассажиры с баулами, блокируя проход.

«Выбрался, — подумал он. — Первый этап пройден».

Адлерский перрон встретил Егора запахом мокрого угля и креозота. Югом здесь и не пахло — скорее, сырым питерским ноябрем, который по ошибке занесло в субтропики.

Он прыгнул с подножки, закинул сумку на плечо и двинулся сквозь толпу. Вокруг суетились встречающие, кто-то тащил ящики с мандаринами, кто-то орал: «Галя! Галя, мы здесь!». Егор шел сквозь этот хаос как ледокол. На привокзальной площади сценарий повторился один в один. Только вместо пальм здесь мокли под дождем кипарисы, похожие на траурные веники.

У стоянки автобусов было пусто. Расписание за стеклом, покрытым каплями, безжалостно сообщало: последний прямой рейс на Красную Поляну ушел полчаса назад. — Командир! — тут же нарисовался рядом мужик в кожаной куртке, поигрывая ключами. — На Поляну? Опоздал ты на автобус. Давай довезу. «Волга», тепло, быстро. Егор остановился, смерил его взглядом. — Цена? — Полтинник. Егор усмехнулся. Пятьдесят рублей. Половина лейтенантского оклада за сорок километров пути. — Свободен, — бросил он коротко, не сбавляя шага. — Э, слышь! — обиделся водила. — Ты дешевле не найдешь! Ночь на дворе! — Найду.

Егор знал, что в пятистах метрах отсюда, за углом, находится старый автовокзал. Туда заходят проходящие автобусы и маршрутки, которые собирают остатки пассажиров с аэропорта и вокзала. Он поднял воротник куртки и шагнул под дождь. Через десять минут он уже стоял под козырьком автостанции. Здесь былолюдно, накурено и тревожно. Горела тусклая лампочка, вокруг которой вился рой мошкар, чудом выжившей в этом холоде.

Желудок, несмотря на стресс, требовал своего. Организм, как тупая биологическая машина, хотел топлива. Егор подошел к круглосуточному ларьку, от которого пахло пережаренным маслом и несбывшимися надеждами. — Кофе и беляш, — бросил он в окошко. Продащица, зевая, сунула ему граненый стакан с мутной коричневой жижей и промасленный кусок серой бумаги, который обжигал пальцы. Кофе оказался тем самым, знаменитым советским «Колосом» — ячменным напитком, который кофе видел только по телевизору. Егор сделал глоток, скривился, но проглотил. Горячо — и ладно.

Он вгрызся в беляш. Тесто было резиновым, жир тут же брызнул на подбородок. Мясане наблюдалось. Егор мрачно усмехнулся, вспомнив бородатый анекдот. Мужик в ресторане кусает пирожок. Тесто. Кусает второй раз. Опять тесто. Зовет официанта: «Послушайте, я заказывал с мясом, а тут одно тесто!». А тот ему невозмутимо: «Так вы еще не докусили». Мужик делает огромный «кусь», полпирога во рту, в руке горбушка. Опять орет: «Где мясо?!». А официант вздыхает: «Эх, гражданин... А теперь вы его уже перекусили».

— Похоже, я своё мясо тоже перекусил, — пробормотал Егор, дожёвывая жирное тесто с луком. — Здравствуй, гастрит. Давно не виделись. Он вытер руки бумажкой, скомкал её и швырнул в урну. Пора было выдвигаться на позицию.

2.

На площадке автовокзала, под одиноким фонарем, уже собиралась жизнь. Сам вокзал давно уснул. Окна касс темнели пустыми глазницами, железные ставни киосков были опущены и заперты на висячие замки. Под козырьком, где днём толпились пассажиры, теперь валялись только мокрые газеты и раздавленные окурки. Лужи на асфальте отражали мутный свет фонаря, единственного на всю площадь. Пахло мокрым бетоном и чем-то кислым — то ли подгнившими фруктами из ближайшего ларька, то ли просто сточной водой.

Главным героем здесь был микроавтобус «РАФ» — желтая «Латвия» с открытой боковой дверью. Машина дрожала от работающего двигателя, а из салона на всю площадь неслась музыка. «...Белые розы, белые розы, беззащитны шипы...» Голос Шатунова, жалобный, приторно-сладкий, висел в сыром воздухе как липкий туман.

Дождь сеялся мелко, противно. Морось. Оседал на лице холодной плёнкой. Егор не вытирался. Ему было всё равно.

Он смотрел на мокрый асфальт, на жёлтые пятна фонарей, размазанные в лужах, и ловил себя на том, что ни о чём не думает. Совсем. Голова была пустой, как выпотрошенная консервная банка. Там, внутри, ещё недавно что-то было — злость, боль, обида, — но сейчас осталась только жестяная пустота. Края острые, если тронуть — порежешься. Поэтому лучше не трогать.

У капота курил водитель — молодой армянин, одетый по последнему писку адлерской моды. На голове — огромная кепка-«аэродром». Ноги обтянуты в джинсы-«варёнки», синие-белые, как плесень. А поверх свитера — потертая, но настоящая лётная кожаная куртка, «шевретка». Явно выменял у кого-то из техников или летчиков за ящик коньяка.

Егор поморщился. От этой музыки, от этого надрывного сиротского вокала у него внутри скрутило спазм. Не от отвращения, а от какой-то физической боли. Эта дешёвая романтика была по нервам сильнее, чем тишина. «...Что с вами сделал снег и морозы...» Ему захотелось подойти и вырубить магнитофон. Или водителя. Но он сдержался. Включил режим «холодная голова». Егор подошел к маршрутке, стараясь не слушать текст песни, и занял стратегическое место у колонны, откуда просматривался подход к площади. Если кто-то еще приедет на этот «праздник жизни», он их увидит первым.

Первой на штурм пошла тяжелая артиллерия. Из темноты выплыла грузная женщина лет шестидесяти — настоящий ледокол, обвешанный клетчатыми баулами. — Э-э, мать! — возмутился водитель-модник, отлепившись от капота и поправляя свою кепку-аэродром. — Куда столько прёшь, а? Это маршрутка или грузовой Ил-76? Места нет, багажник маленький!

Бабка остановилась, поставила сумки на мокрый асфальт (внутри мелодично звякнуло стекло) и уперла руки в боки. — Ара, зачем кричишь на пожилую женщину? — прогудела она с густым, как мед, акцентом. — «Места нет»... Для хорошего человека место всегда есть! Она шагнула к нему ближе, шурясь под светом фонаря: — Ты чей будешь, сынок? Ашота племянник, что ли? С Вардане? Водитель осекся. Наглость с него слетела мгновенно, включился генетический код уважения к старшим. — Нет, я Самвел, Самвела сын, — буркнул он, уже не так уверенно. — Самвела? Который автосервис держит? — Ну. — Вай ме! — всплеснула руками бабка. — Так я твоего отца знаю, он у меня аджику брал на свадьбу дочери! А ты мне тут про «места нет» рассказываешь! Постыдился бы, а!

Водитель вздохнул, поняв, что проиграл этот бой еще до начала. — Ладно, ма-джан, не шуми, — он махнул рукой. — Давай свои сумки. Только аккуратно, у меня там сабвуфер стоит. — Сам ты сабвуфер, — беззлобно огрызнулась бабка, передавая ему баулы. — Осторожно ставь! Там лекарство для души. Разобьешь — отец тебе уши оторвет, я прослежу.

Она полезла в салон, кряхтя и занимая собой сразу полтора места на заднем диване. — И музыку потише сделай, голова болит от твоего «Ласкового мая», — скомандовала она уже изнутри. — Лучше бы дудук включил, позорник.

Водитель только закатил глаза, но звук чуть убавил. Против Тёти Седы не попрёшь.

Следом за Бабкой нарисовалась «сладкая парочка». Мужик — классический «хозяин жизни» раннего разлива. Лет тридцать пять, лицо сытое, с ранними залысинами на висках. Одет он был по самой последней моде: ярко-синий спортивный костюм с тремя полосками. Правда, при свете фонаря было видно, что «Adidas» — откровенно палёный, из той дешевой, скрипучей синтетики, которую шьют в подпольных цехах где-то на Молдаванке или в Ростове. Ткань лоснилась, как клеенка. Зато поверх этого «адидаса» была по-барски, нараспашку, наброшена дорогая рыжая дубленка.

А вот пахло от него «фирмой». Густой, терпкий шлейф «Fahrenheit» от Christian Dior перебивал даже вонь выхлопных газов. Мужик явно вылил на себя полфлакона, чтобы компенсировать дешевизну костюма. В зубах дымился настоящий «Marlboro».

Под локоть он держал девицу. Яркая, как тропический попугай: кислотная куртка, лосины, начес, залаченный до состояния каски. Она жевала жвачку, глядя по сторонам пустыми, испуганными глазами. Глаза у неё были огромные, влажные и с густыми ресницами — точь-в-точь как у диснеевского оленёнка Бэмби. Такая же красивая и бестолковая жертва, которую хищник тащит в свою нору.

— Шеф, — лениво бросил Кооператор водителю, стряхивая пепел на асфальт. — Два места. В салоне тепло?

— Ташкент! — соврал водитель Самвел, пряча улыбку.

— Проходите.

Кооператор небрежно отсчитал купюры и подтолкнул спутницу внутрь: — Давай, кисуля, прыгай.

Егор остался на улице один. Он не курил, поэтому просто стоял, сунув руки в карманы куртки, и вдыхал сырой воздух, стараясь держаться подальше от термоядерной смеси «Фаренгейта» и дешевой синтетики. Тянуть было некуда. Он подошел к водителю. Тот как раз пересчитывал деньги. — На Поляну? — спросил Самвел, оценивая крепкую фигуру Егора. — Туда. — Пятнадцать рублей. Цена была завышенной, но Егор спорить не стал. Ночь, дождь, выбора нет. Он молча кивнул и полез во внутренний карман за деньгами.

В этот момент из темноты и дождя вынырнула фигура. Девушка. Она шла быстрым, нервным шагом, почти бежала. В одной руке чемодан, другой она прижимала к боку громоздкий деревянный ящик. Шарф сбился, дыхание сбито. Она подлетела к машине, едва не врезавшись в спину Егора.

— Извините... — выдохнула она, обходя его.

— Вы на Красную Поляну?

Водитель Самвел оглядел её с ног до головы:

— На Поляну, красавица. Куда же еще.

— Места есть?

— Для тебя найдем. Пятнадцать рублей.

Софья замерла на секунду. Пятнадцать. После наглых «семьдесят» в аэропорту эта цифра показалась ей почти подарком. К тому же, вокруг была ночь, холод и полная безнадега. — Я еду, — быстро сказала она, ставя чемодан в грязь, чтобы достать кошелек.

Егор, который уже расплатился, молча наблюдал за её возней. Потом он увидел, как она пытается поднять одновременно и чемодан, и этот неудобный ящик, чтобы влезть в высокий салон «Рафика». Он вздохнул. — Давай помогу, — спокойно сказал он. Не дожидаясь ответа, он легко, одной рукой перехватил у неё этюдник, поставил его в салон, а второй рукой подсадил её за локоть. Хватка у него была жесткая, надежная. — Спасибо, — растерянно моргнула

Софья. — Залезай, — буркнул Егор, заходя следом и с грохотом захлопывая тяжелую сдвижную дверь.

Внутри пахло чесноком от бабки, тяжелым «Фаренгейтом» от кооператора и бензином. — Ну, с богом! — воскликнул Самвел. «Рафик» дернулся, фары выхватили из темноты мокрый асфальт, и машина покатила прочь от вокзала.

«Рафик» карабкался в гору с натужным воем, словно астматик на марафоне. В салоне пахло палёным сцеплением, мандариновыми корками и все тем же «Фаренгейтом» с заднего сидения.

Там, в темноте, кооператор Валера и его Бэмби (кажется, её звали Ира) издавали чмокающие звуки. Они ворковали, хихикали и шуршали, она болоньевой курткой, он костюмом "Адидаас". Этот звук — мокрый, животный звук чужого удовольствия — раздражал Егора даже больше, чем вибрация кузова, отдающая в больной затылок.

Егор сидел, упервшись коленями в переднюю спинку, и считал секунды. Места в «Рафике» были рассчитаны на людей поменьше. Егор со своими метр восемьдесят два сидел, сложившись как перочинный нож. Колени упирались в спинку переднего сиденья, поясница ныла от неудобного угла. На каждом повороте его швыряло плечом в холодное стекло, а сосед слева — чей-то баул — норовил сползти ему на ногу. Он попытался сдвинуться, найти положение поудобнее, но в этой жестянке на колёсах удобных положений не существовало.

Бабка на заднем диване устроилась основательно — обложилась своими баулами, как крепость мешками с песком. Время от времени она что-то бормотала себе под нос, то ли молитву, то ли проклятие, и поправляла узлы на сумках. От её стороны салона тянуло чесноком и чем-то кислым — то ли аджикой, то ли домашним вином. Запах мешался с «Фаренгейтом» Кооператора и выхлопом, просачивающимся сквозь щели в полу, создавая коктейль, от которого хотелось открыть окно, но снаружи был явно не май месяц.

Рядом с водителем, на «козырном» месте, сидела художница. Она не спала. Её болтало на поворотах, но она, вцепившись побелевшими пальцами в ручку своего деревянного ящика, сидела прямо, как на экзамене. Её взгляд был прикован к лобовому стеклу, по которому размазывали грязь дворники.

За стеклом не было ничего — серая муть, снежная каша, иногда мелькающие в свете фар сосны. Но Софья смотрела не на дорогу. Она уже была там, в завтрашнем дне, с этюдником наперевес.

Главное — найти правильную точку. Не внизу, в долине, где всё сплюсчивается в одну плоскость, а выше, на склоне. Чтобы была глубина, чтобы горы уходили планами — ближний склон тёмный, следующий светлее, а дальние вершины почти сливались с небом.

Свет. Свет в горах — это отдельная история. Утром он розовый, холодный. К полудню становится жёстким, плоским — работать невозможно. Значит, вставать рано. Часов в шесть, пока все спят. Найти место, разложиться, поймать этот первый, самый честный свет.

Снег — это проблема. Белила улетают моментально, а дешёвые желтят. Она взяла два тюбика цинковых, но этого может не хватить. Ладно, разберёмся. Можно оставлять холст, пусть грунт работает как белый.

Пальцы на ручке этюдника чуть расслабились. Внутри, под рёбрами, шевельнулось что-то похожее на предвкушение.

— Ай, хорошо идём! — Самвел, которого Егор про себя уже окрестил Рафиком (потому что водитель и его дребезжащая колымага казались единым организмом), был в ударе. Он одной рукой крутил баранку, а другой дирижировал в такт кассете.

Из хриплых динамиков, перекрывая рев мотора, страдал Юра Шатунов.

«...И снова седая ночь, и только ей доверяю я...»

Машина нырнула в очередной «тёщин язык». Внезапно серый, липкий туман, который преследовал их от самого Адлера, кончился. Словно кто-то ножом разрезал завесу.

«Рафик» вырвался на перевал. И мир изменился.

Грязь исчезла. Вокруг, залитые мертвенно-бледным, нереальным светом, стояли заснеженные пики. Огромная, полная Луна висела прямо по курсу — такая яркая, что на снегу читалась каждая тень от сосен. Это было красиво той пугающей, абсолютной красотой, которой нет места в обычной жизни.

— Боже... — выдохнула художница. Она даже чуть подалась вперёд, забыв про качку. — Смотрите, какая графика!

Водила тоже задрал голову, любуясь открывшимся видом. Машина вильнула.

Егор почувствовал, как к горлу подкатил ком. Не от страха, а от невыносимости момента. Чужое счастье сзади, дешёвая попса в ушах и эта величественная, равнодушная Луна впереди.

Тётя Седа начала лупить по спинке кресла водителя: — Вай, Самвел! Аствац сирес! (Бога побойся!) Ты что, оглох, дурная твоя башка?! Выключи эту шарманку, у меня банки полопаются!

— Эй, Рафик! — крикнул Егор, перекрывая музыку. — Сделай потише! Зубы уже ноют от твоего концерта!

Водила, всё ещё замороженный луной, кивнул: — Сейчас, дорогой, сейчас...

Он, не отрывая взгляда от сияющих вершин, нащупал рукой регулятор громкости. Егор хотел тишины. Но у Вселенной, видимо, было своё чувство юмора.

Пальцы водителя крутанули ручку. Не влево. Вправо. До упора.

Динамики взвизгнули. «ЗНАЕШЬ, СЕДАЯ НООООЧЬ!...» — голос Шатунова ударил по перепонкам как кувалда. Звук был таким плотным, что казалось, он сам по себе толкнул машину.

Самвел дёрнулся от неожиданности. Его рука инстинктивно рванула руль. Левое переднее колесо попало на пятно чёрного льда, предательски блестящее в лунном свете.

Времени на испуг не было. Егор увидел, как мир за лобовым стеклом медленно, плавно накренился. Луна поехала вбок. Сосны, стоявшие на краю обрыва, вдруг стали расти горизонтально.

— Бл... — начал кооператор сзади, но не закончил.

«Рафик» пошёл юзом. Он не перевернулся, он просто соскользнул с дороги, как кусок мыла с края раковины. Элегантно. Без визга тормозов.

Невесомость. Желудок подпрыгнул к горлу. Этиодник художницы оторвался от пола и завис в воздухе. Шатунов продолжал орать, захлёбываясь эхом в тесном салоне: «...ТЫ ВСЕ МОИ ТАЙНЫ ЗНАЕШЬ!...»

Удара не было. Не было скрежета металла о камень, взрыва бензобака или хруста костей. Тьма внизу приняла их мягко.

ЧВАК.

Звук был такой, словно гигантский сапог наступил в густую, тёплую грязь. Свет фар мгновенно захлебнулся в чём-то сером. Луна исчезла. Музыка оборвалась на полуслове, сменившись шипением, а потом — абсолютной, ватной тишиной.

... Всего было слишком много. Слишком надрывного «Ласкового мая», который, казалось, пропитал даже обшивку сидений. Слишком много резких, пугающих поворотов, на которых кузов «Рафика» жалобно стонал. Слишком много запахов: бензин, импортный одеколон, застоявшийся дух мандаринов и перегара. И было слишком мало видимости — за лобовым стеклом бесновался мокрый снег, превращая мир в серую, невнятную кашу.

Софья вцепилась в поручень так, что пальцы онемели. Другой рукой она инстинктивно прижимала к бедру этиодник. Она невольно вспомнила отчима и их «Волгу» ГАЗ-31. На ней они ездили на лиманы или на дальние базы отдыха — чинно, мягко, под негромкое шуршание шин по асфальту. В «Волге» всегда пахло хорошим табаком и старыми книгами. Там она чувствовала себя в безопасности. Здесь же её швыряло по салону как тряпичную куклу.

«Если это продлится еще десять минут, меня точно начнет мутить», — подумала она, сглатывая подступившую горечь.

И в этот момент пелена разорвалась.

Машина выскочила на открытый участок перевала, и у Софьи перехватило дыхание. Это было похоже на вспышку магния в старом фотоаппарате. Тучи исчезли. Впереди, залитые невозможным, мертвенно-белым светом, стояли горы. Снег на пиках сиял так ярко, будто горы густо замазали свежими белилами. А над ними господствовала Луна — огромный, безупречный диск, который словно в упор разглядывал их маленькую дребезжащую жестянку.

Софья замерла. Это была «натура». Та самая, ради которой стоило терпеть и самолет, и этот жуткий автобус.

Забывшись, она выпустила этюдник, оставив его на сиденье. Ей нужно было видеть всё. Она вцепилась в поручень обеими руками и прильнула к стеклу, стараясь запечатлеть этот ракурс, этот свет, эту холодную вертикаль.

В следующую секунду музыка за спиной взорвалась оглушительным ревом — водитель явно промахнулся мимо регулятора.

Мир качнулся. Софья не почувствовала удара. Она почувствовала, как гравитация просто перестала существовать. Её тело плавно приподнялось над сиденьем. Рядом, в воздухе, так же медленно и торжественно всплыл её этюдник. Он висел прямо перед её лицом, словно предлагая напоследок коснуться дерева.

Софья посмотрела вперед. Сияющая Луна и горы стремительно улетали куда-то вверх, а на их место, занимая всё лобовое стекло, надвигалась бездонная, черная пасть ущелья.

«Ой, мамочки...» — успела подумать она, прежде чем всё залил густой серый туман.

3.

Он лежал на боку, уткнувшись лицом в серую пористую массу, похожую на старый поролон или перепревший мох. Первым делом мозг выдал сухую сводку: пальцы шевелятся, позвоночник цел. Но где-то под ребрами застряло странное ощущение «сквозняка» — будто он воздушный шарик, который медленно стравливает воздух через невидимую дырочку. Егор сглотнул вязкую слюну и сел.

Прямо перед ним застыл разбитый «Рафик». Рваная стойка, выбитое стекло, повисшая на одной петле дверь. Рядом дымился кусок крыши. Черный дым на фоне белесой мглы казался слишком контрастным, почти нарисованным.

Где-то в стороне, в тумане, послышалась возня. Всхлип, шорох, какое-то бормотание.

Егор повернул голову на звук. Он вглядывался в молочную стену, и чем дальше он это делал, тем отчетливее там проступали тени. Мгла нехотя расходилась, являя подробности: вот Тётя Седа на карачках, судорожно подгребающая к себе сумки; вот кооператор и “бэмби”, копошащиеся в жиже в попытках распутать конечности. Девушка с этюдником сидела чуть поодаль, обхватив плечи руками, и её фигура в этом тумане казалась самой резкой. --- Когда они успели достать вещи? Он отогнал неважную мысль, и тут же увидел, что его спортивная сумка тут рядом с ним.

Егор моргнул, чувствуя, как плывет зрение. На периферии, разбитый корпус машины стал медленно погружаться в клубы тумана. Острые края металла вдруг стали какими-то... мыльными. Силуэт «Рафика» на краю взгляда начал терять четкость, словно его накрыло слоем грязного целлофана. Детали — ручки, осколки фар — смазывались, впитываясь в серый фон.

Ему было не до железа. Он потянулся к Рафику — водитель сидел ближе всех, тупо глядя на свои ладони. Как только Егор сконцентрировался на нем, Рафик стал осязаемым, настоящим, вплоть до каждой ворсинки на его кепке. А всё остальное — туман, тающее за спиной железо, дымящаяся резина — отошло на второй план, став несущественным и зыбким.

— Эй... — Егор попытался встать, ноги были тяжелыми. — Все живы? Посмотрите на меня.

Он шел к ним, и с каждым его шагом туман перед ним неохотно сдавал позиции, материализуя куски реальности, в то время как мир за его плечами бесшумно превращался в серую кашу.

Тишина вползала в уши, как липкий кисель, но её быстро сожрали звуки. Первой «включилась» Бабка.

Она сидела на карачках, разгребая свои баулы, и вдруг завывала — тонко, по-собачьи. Одна из её трехлитровых банок не выдержала полета. Густой, агрессивный запах чеснока, хмели-сунели и жгучего перца ударил в нос, разрывая стерильную вонь озона и гнили. Красная лужа аджики медленно растекалась по серому мху, выглядя в этом бесцветном мире как настоящая кровь.

— Вай, мера аствац! Чтоб ты ослеп, выродок! — Бабка перешла на визгливый русский, мешая его с армянскими проклятиями. — Всю душу вытряс! Коньяк побил, аджику побил! Чем я племянника кормить буду, ирод?!

Она замахнулась на водителя пустой сумкой, но не ударила, а просто зашлась в лающем кашле.

Рафик — гонщик хренов в кепке-аэродроме — даже не шелохнулся. Он сидел, вкопавшись задом в жижу, и тупо разглядывал свои ладони, словно видел их впервые. Его кепка сползла на глаза, придавая ему вид побитой куклы.

Тут «проснулся» Кооператор. Он вскочил, пошатываясь, и начал лихорадочно обхлопывать карманы своей спортивной куртки. Его «Соска Бэмби» — всё ещё валялась рядом, мелко дрожа и вцепившись в штанину его «адидаса».

— Слышь, ты! — Кооператор сделал три неверных шага и со всей дури пнул сидящего Рафика в плечо. — Вставай, мразь! Ты куда нас завез?! Где дорога, я тебя спрашиваю?!

Рафик только глухо ойкнул и завалился на бок, продолжая смотреть в никуда.

— Ты знаешь, сколько я за этот заезд отвалил?! — Кооператор сорвался на крик, лицо его стало багровым даже в этом мертвом свете. — Полтинник зелены! У меня там люкс! У меня девки, кабак забит! Где мои бабки, сука?!

Он снова замахнулся ногой, намереваясь попасть водителю по лицу. Соска сзади заголосила, добавляя децибелов в этот безумный хор.

Егор наблюдал за этим секунду, чувствуя, как свист под ребрами — этот чертов «сдувающийся шарик» — становится болезненным. Этот зоопарк начинал его утомлять. В голове щелкнуло: «Буйный. Сорвать истерику. Иначе затопчут друг друга».

Он сделал шаг вперед. Ноги вязли в мху, но шаг был твердым.

— Успокойсь! — гаркнул Егор так, что Бабка подавилась проклятием, а Кооператор застыл с занесенной ногой.

Голос Егора прозвучал неожиданно мощно, резонируя в тумане.

— Всем сесть на задницу. Быстро.

В тумане воцарилась тяжелая, испуганная тишина. Только запах аджики продолжал резать глаза. Девушка с этюдником, которая до этого момента была лишь неподвижной тенью, медленно подняла голову и посмотрела на Егора.

Егор замолчал, давая тишине сделать свою работу. Кооператор замер, всё ещё тяжело дыша, но ногу опустил. Бабка притихла, пытаясь накрыть собой уцелевшие банки, как святыню.

Он стоял, глядя на них, но мысли его были заняты другим. Внутри него, под коркой военного самообладания, билась холодная, расчетливая рациональность.

«Высота — минимум тридцать метров, — считал он. — Угол падения — критический. Скорость — приличная». По всем законам медицины катастроф, этот «Рафик» должен был превратиться в братскую могилу. Внутренние разрывы, открытые черепно-мозговые, месиво из костей и железа. А что на деле?

Он посмотрел на свои руки. Грязные, в серой пыли, но целые. Посмотрел на Рафика — тот сидел в метре от места столкновения, и на его лице не было даже царапины от выбитого стекла. Кооператор прыгал как заведённый, соска выла в полный голос. Даже у старухи, которая должна была рассыпаться от одного удара, только шаль сбилась.

И эта банка... Запах аджики резал глаза, напоминая о реальности. Одна банка. Из целого баула — одна.

«Так не бывает», — сухо констатировал Егор. Физика здесь не просто дала сбой, она была исключена.

Он перевёл взгляд на девчонку с этюдником. Она смотрела на него снизу вверх. В её взгляде не было той животной паники, что у остальных. Она словно ждала подтверждения своих догадок.

Егор понял, что тишина затянулась. Группа ждала решений. Кооператор и водила инстинктивно признали в нём старшего — не по должности, а по тому, как он держал спину и как смотрел на них, «сверху вниз».

— Значит так, — Егор заговорил тише, но веса в словах прибавилось. — Проверяем себя. Руки, ноги, ребра. У кого что болит — говорить сейчас.

— Да всё болит! — огрызнулся Кооператор, но уже без прежнего запала. — Тряхануло же...

— Крови нет, — оборвал его Егор. — Посмотри на себя. Ты из мясорубки вылез без единой дырки в шкуре.

Кооператор замолк, оглядывая свои руки. Бабка тоже перестала причитать и начала ощупывать свои бока. Рафик поднял голову, поправил кепку и впервые посмотрел на туман за спиной Егора.

— Командыр... — хрипло выдавил водитель. — А где горы? Там же обрыв был... И река внизу.

Егор не обернулся. Он и так знал, что там ничего нет, кроме клубов белесого тумана.

Он оглядел свою «гвардию». Зрелище было жалкое, но деваться некуда.

— Поднимаемся. Сидеть здесь нельзя, — он не стал объяснять почему, просто чувствовал, как этот зуд под ребрами начинает подталкивать к действию. — Собирайте всё, что уцелело. Идем искать выход.

— Куда идти, командир?! — Кооператор вцепился в локоть Соски, озираясь по сторонам. — Дороги нет, одни сопли серые вокруг.

— Найдем, — отрезал Егор.

Бабка, услышав про «идти», вдруг перестала причитать и вцепилась в свои баулы так, что костяшки побелели. — Вай, мерá аствац! (Вай, боже мой!) Как идти? Куда идти? — Она заговорила быстро, на гортанном, певучем языке. — Инчпэс карели э айс аменэ тохнэл? (Как можно всё это оставить?) У меня тут добро! У меня банки, у меня шмотки племяннику!

Егор замер на секунду. Он отчетливо слышал армянскую речь, чужую фонетику и незнакомые слова, но в голове смысл разворачивался чистым, понятным текстом. Это было похоже на телепатию или на то, как будто он всю жизнь прожил в Ереване. «Странно, — отметил он, — контузия? Или этот туман так на мозги давит?».

— Бабуля, — Егор подошел к ней. — Сама ты это не дотащишь. Либо бросаем, либо...

— Чи тохнй! (Не оставляю!) — Бабка чуть ли не села на свои сумки. — Айс анасунэ тох таний! (Пусть эта скотина тащит!)

Она ткнула пальцем в Водилу. Тот поднял голову. В его глазах была такая бездна вины и шока, что он даже не пытался спорить. Он встал, шатаясь, и покорно потянулся к тяжелым клетчатым сумкам. Егор кивнул: справедливо. У Водилы своего багажа не было — только кепка и чувство вины за то, что уронил их всех в эту клоаку.

— На, тyani, ирбд! (Тyani, ирод!) — Бабка сунула ему в руки ручки баулов, продолжая честить его на своем языке.

Егор отошел на пару шагов в сторону. Он закрыл глаза. Нужно было выключить зрение, которое только путало.

Он замер, стараясь не дышать. Под ребрами, там, где зудело и тянуло, возник четкий вектор. Это не было направлением на «север» или к «дороге». Это было просто ощущение натяжения. Там, впереди, было что-то, что требовало его присутствия.

— Значит так, — он заговорил негромко, обращаясь ко всем сразу. — Я не буду врать: я не знаю, где мы, и не знаю, в какой стороне дорога. Ситуация дерьмовая, и я в ней ориентируюсь не лучше вашего.

Кооператор хотел было что-то вставить, но Егор предупреждающе поднял руку.

— Но сидеть здесь и ждать, пока нас засыплет этим туманом — еще хуже. Я чувствую... ну, назовем это интуицией... что нам стоит попробовать пойти вон туда. — Он указал рукой в серую пустоту. — Гарантий никаких. Та сторона ничем не хуже любой другой, но мне кажется, там есть шанс на что-то зацепиться. Если у кого-то есть идеи получше — говорите сейчас.

Все промолчали. Даже Бабка перестала ворчать, глядя на Егора с надеждой.

— Раз идей нет — двигаемся. — Егор подошел к Художнице. Она стояла, вцепившись в свой ящик, а рядом в жиге тонул её чемодан. — Давай сюда чемодан.

— Я сама... — быстро сказала она, отстраняясь.

— Давай, говорю. У меня сумка легкая, а ты с этим добром в этом киселе через пять минут ляжешь. Давай, не спорь.

Он не стал дожидаться согласия, просто подхватил чемодан. Чемодан был неудобный, — Но хоть с ручкой, усмехнулся про себя Егор.

— Бабуля, подъем. — Егор глянул на Рафика, который уже стоял, навьюченный баулами как ишак. — Держись за мной. Главное — не растягиваться.

— Тэсненк (Посмотрим)... — проворчала Бабка, поправляя платок. — Мийайн тхерк (Только бы не в яму). Ба́ци айт, ко айс кашэлэ (К тому же, это твоё враньё)...

Егор снова поймал себя на том, что понимает её ворчание до последнего слова, хотя она и не думала переходить на русский. В голове просто возникал готовый смысл. «Потом разберусь, — подумал он. — Сейчас главное — ноги».

— Пошли, — коротко бросил он.

Они двинулись. Егор первым, пробивая плечами вязкий воздух, за ним — Художница и Кооператор со своей подругой, а замыкал шествие груженный Водила. Под ногами всё так же почва проваливалась по щиколотку, и с каждым шагом Егор чувствовал: они не просто идут. Они словно процарапывают направление в окружающем “нигде”.

Софья старалась дышать ровно, но кисель под ногами выматывал. Каждый шаг требовал усилия, словно она шла по колено в подтаявшем зефире. Она смотрела в спину идущему впереди человеку. Имени его она не знала, но он был единственным, кто в этом месиве сохранял подобие стержня.

Он шел ровно, не оборачиваясь, уверенно перехватив её чемодан. Софья невольно сравнила его со своими сокурсниками из «Грековки». Те тоже помогали — поднести холсты до трамвая или передвинуть мольберт — но в их движениях всегда было много игры, какой-то нарочитой картинности, мол, «смотри, какой я рыцарь». Они были как карандаши серии «М» или «2М» — мягкие, жирные, легко размазывались.

Этот же был другим. «Карандаш ТМ», — подумала она. Самый надежный инструмент в коробке. В его помощи не было театральности — он просто забрал груз и пошел впереди, став для неё единственным ориентиром в этом белом безумии.

Софья посмотрела по сторонам. Как художник, она привыкла искать свет и тень, но здесь законы композиции не работали. У тумана не было источника света — серое марево светилось само по себе.

«Имприматура, — мелькнуло в голове. — Первый слой краски на холсте, затирка, за которой еще ничего нет».

Мир вокруг казался ей огромным, пустым подрамником. На секунду ей стало страшно: если она перестанет смотреть на эту широкую спину впереди, то её собственные контуры начнут расплываться, как акварель под дождем. Софья поняла, что ей жизненно необходимо, чтобы этот человек продолжал идти и не сворачивал, потому что без его четкой линии они все окончательно превратятся в серые пятна.

Туман вокруг оставался всё тем же — плотным, белесым, мертвым. Но изменилось то, что было под ногами.

Сначала Егор почувствовал это через подошвы ботинок. Вязкий, чавкающий мох, который выматывал силы каждым шагом, вдруг сменился чем-то упругим.

— Твердо! — выдохнул Кооператор, чуть не упав от неожиданности. — Слышь, командир, тут асфальт!

Это была дорога. Широкая, метров пятнадцать в поперечнике, полоса пересекала серую пустыню и уходила в обе стороны в бесконечность. Но цветом она отличалась от всего остального. Она была не серой, а грязно-розовой, с темными бурыми прожилками, словно кто-то пролил на землю марганцовку.

Егор присел на корточки и коснулся поверхности ладонью. Материал был гладким, теплым, но при сильном нажатии слегка проминался, тут же восстанавливая форму. Это не было похоже ни на бетон, ни на асфальт.

В голове мгновенно всплыла картинка из анатомического атласа. «Келоид, — подумал он с безразличным узнаванием. — Разросшаяся фиброзная ткань. Грубый рубец после глубокого разреза».

Он оглядел дорогу. Она слегка возвышалась над уровнем «мха», бугристая, неровная, словно застывшая лава или... запекшаяся плоть. Егор прислушался. Привычка — всегда слушаешь, что вокруг. В городе — гул машин, голоса, шаги за спиной. На природе — птицы, ветер в листве, треск веток. Здесь слушать было нечего.

— Привал, — командовал Егор, сбрасывая с плеча тяжелый чемодан Художницы. — Ноги у всех гудят, надо выдохнуть.

Группа буквально повалилась на покрытие. Никто особо не безразличивал тем, что дорога напоминала гигантскую полосу непонятно чего. После холодной сырости Хляби это тепло казалось спасением.

Кооператор тяжело выдохнул. Он расстегнул свою тяжелую, добротную дубленку — предмет зависти половины Союза — и рывком стянул её с плеч. Развернув её мехом вверх, он широким жестом расстелил дубленку прямо на грязно-розовом покрытии.

— Садись, Малыш, — буркнул он своей спутнице. — Не на сыром же сидеть.

Бэмби благодарно шмыгнула носом и опустилась на мягкий мех. Кооператор плюхнулся рядом, по-хозяйски обнимая её за плечи. Она сидела на рыжем меху, подтянув колени к груди, и мелко дрожала. Не от холода — снизу шло тепло, — а изнутри, как дрожит перепуганная собака. Она не плакала. Слезы требуют энергии, а энергии не осталось. Только эта мелкая тряска и пальцы, вцепившиеся в рукав куртки своего партнёра.

Остальные тоже начали устраиваться. Бабка примостилась на своих баулах. Рафик просто сел на дорогу, обхватив колени, и уткнулся лбом в руки.

Софья опустилась рядом с чемоданом, поджав ноги. Она смотрела на кооператора и его подружку. Они были похожи на эскиз. Незаконченный, неуверенный. Он — невзрачный, невысокий, в дорогой дублёнке, которая сейчас лежала под ними вместо ковра. Она — тонкая, ломкая, вцепившаяся в его рукав побелевшими пальцами. Вместе они не складывались ни в какой классический канон. Но его рука лежала на её плече, и девчонка к этой руке прижималась щекой, как к единственному, что ещё было настоящим. Иногда его рука на её плече сжималась чуть сильнее — машинально, как проверка: тут ли ещё.

Снизу, от странного покрытия, шло ровное, какое то животное тепло.

Это тепло пробивалось сквозь джинсы, и это было чертовски приятно, если не задумываться, что именно греет тебе задницу.

Егор вытянул ноги, чувствуя, как пульсирующая в мышцах молочная кислота медленно отступает. Он лениво наблюдал за своей «паствой». Кооператор, устроив Бэмби на рыжей дубленке, как на троне, теперь нервно ходил взад-вперед по краю дороги, стараясь не наступать в серый мох обочины. Сама девчонка сидела, подтянув колени к груди, и беззвучно размазывала по щекам тушь, превращаясь в панду. Взгляд у неё был стеклянный — мозг, похоже, включил предохранитель.

4.

Тишину, которая звенела в ушах последние полчаса, прорвало. Адреналин выгорел, оставив после себя липкий страх и желание найти виноватого.

— Э, слышь, командир... — Кооператор остановился напротив Егора, тыча пальцем в свинцовое, низкое небо, где не было ни луны, ни звезд. — Это че за херня? Где горы? Мы полчаса шли, хоть бы один огонек! Адлер где?

— В Караганде, — про себя рифмовал Егор, а вслух спокойно ответил: — Не знаю. Мы вышли из тумана, ориентиры сбиты.

— Вай ме, сбиты... — подал голос Рафик. Водила сидел на корточках, обхватив голову руками. — Какое сбиты? Я все дороги здесь двадцать лет знаю! Каждый поворот знаю! Нэту здесь такого! Нэту! Асфальт должен быть, бэтон должен быть! А это что?! — он с отвращением хлопнул ладонью по упругому, теплomu покрытию. — Резина какая-то!

Софья сидела чуть поодаль, привалившись спиной к теплomu бугру «келоида». Ей не было страшно — страх атрофировался еще там, внизу. Ей было тошно. Художественный глаз, привыкший искать гармонию, здесь сходил с ума. Всё вокруг было «не в палитре». Этот тошнотворно-розовый цвет дороги, этот серый, мертвый цвет мха... Словно кто-то смешал на палитре остатки красок, получил цвет гниющего мяса и закрасил им весь мир. Она посмотрела на Егора. Тот сидел неподвижно, как скала. «Карандаш ТМ», — снова подумала она. Единственная вертикаль в этом поплывшем, расплавленном мире.

Егор с силой потер лицо ладонями, стирая липкую влагу. Кожа онемела. На него смотрели пять пар глаз. В них читалось одно и то же: страх и немой вопрос. «Ты же мужик, ты же спокойный, скажи, что делать». Внутри закипало глухое раздражение — какого черта он должен отвечать за этот табор? Но он понимал: если сейчас сорвется, если покажет слабость — всё посыплется. Паника заразнее чумы.

Он выдохнул, загоня эмоции под корку, и заговорил. Спокойно, ровно, как врач сообщает диагноз, который нельзя изменить, но с которым придется жить. — Так, граждане. Давайте успокоимся. Кооператор открыл было рот, но Егор поднял ладонь, останавливая его. Жест вышел мягким, но непрекаемым. — Погоди. Не надо сейчас кричать. Я такой же пассажир, как и вы. И я, честно скажу, понятия не имею, где мы. Логика говорит, что мы должны быть под Адлером, а глаза видят... — он обвел рукой серый кисель вокруг. — То, что видят.

Он сделал паузу, давая словам дойти. — Но хорошая новость в том, что мы нашли дорогу. Или что то на её похожее, пусть она странная, резиновая, теплая — плевать. Это скорее всего дорога. А любая дорога куда-то ведет. Хаос кончился, появился выбор. Егор посмотрел направо, потом налево. Везде уходил в туман одинаковый «шрам». — Вопрос теперь только один: в какую сторону двигаем? Ориентиров нет, компаса нет. У кого какие мысли?

Вместо ответа повисла тяжелая, ватная тишина. Никто не вскочил, не ткнул пальцем в горизонт, не предложил план. Наоборот, казалось, что вопрос Егора лишил их последних остатков воли.

— Подождите, пожалуйста ... — первой подала голос Бэмби. Она сидела, обхватив себя руками за плечи, хотя снизу, от дороги, шло явное тепло. — Давай посидим еще пять минут. Ну пожалуйста. Она подняла на Егора свои большие оленьи глаза, с кругами от размазанной туши вокруг, а внутри которых плескалась мутная тоска. — Я не могу встать. У меня внутри как будто... пусто. Будто я не ела три дня. И холодно вот здесь, — она прижала ладонь к солнечному сплетению.

— Дело Кисуля, — неожиданно поддержал её Кооператор. Его обычная наглость куда-то испарилась, плечи будто обвисли. — Ноги ватные, начальник. Вроде прошли всего ничего, а ощущение, что вагон угля разгрузил. Батарейка села. В ноль.

Рафик, сидевший на корточках, только мрачно кивнул, сплевывая на «резину»: — Кровь как вода стала. Жидкая, пустая. Сердце стучит, а толку нет.

Егор слушал их, и холодок узнавания пробежал по позвоночнику. Он прислушался к себе, к тому ощущению, которое старательно загонял на задворки сознания последние полчаса. Там, внутри, всё было плохо. Образ воздушного шарика, туго набитого жизнью, который он представил себе еще в начале пути, изменился. Тогда это была просто тонкая струйка утекающего воздуха — досадная, но терпимая. Теперь же он физически ощущал, как оболочка теряет упругость. «Шарик» больше не звенел от натяжения. Он обмяк. Стенки начали провисать, становясь дряблыми, как кожа старика или сдувшийся волейбольный мяч. Появилась какая-то внутренняя рыхлость, вялость тканей. Энергия не просто уходила — она испарялась через поры, оставляя после себя дряблую пустоту.

«Если мы останемся сидеть здесь, — с пугающей ясностью понял Егор, — то через час мы просто не встанем. Мы сдуемся окончательно и станем частью этого пейзажа. Гербарий».

— Нельзя сидеть, — сказал он. Голос прозвучал глухо, но твердо. Ему пришлось приложить усилие, чтобы вытолкнуть слова из своей «сдувшейся» груди. — Это не усталость. Это место... оно тянет силы. Чем дольше сидим, тем труднее будет встать.

Егор посмотрел на их позеленевшие лица, на Бэмби, которая дрожала, как осиновый лист, и понял: если он сейчас погонит их пинками, они просто сломаются. Упадут и не встанут. Им нужна иллюзия передышки, хотя бы на один вдох.

— Хорошо, — выдохнул он, чувствуя, как собственная решимость тает, как сахар в кипятке. — Пять минут. Не больше. Просто отдышаться. Но через пять минут встаем, через «не могу». Иначе останемся тут навсегда в виде гербария. В ответ — тихие кивки. Кооператор прикрыл глаза, Рафик снова сел на корточки, Бабка забормотала что-то под нос, перебирая узлы на своих баулах.

Прошло, по ощущениям, минуты три. Тишина давила на уши — не просто отсутствие звука, а что-то плотное, физическое. Егор поймал себя на том, что напрягает слух, пытается выловить хоть что-то: шорох, скрип, далёкий голос. Ничего. Даже собственный пульс, который он обычно слышал в такие моменты — тук-тук в висках — сейчас звучал глухо, будто сердце билось через подушку.

Он усталился в серую стену впереди. Туман дрогнул, пошёл волнами, и там, где он смотрел, начало проступать что-то — тёмные вертикали, то ли стволы, то ли столбы. Егор моргнул, перевёл взгляд левее — и краем глаза увидел, как проступившее снова затягивает молоком.

Егор поднялся первым. — Время, — коротко бросил он. — Пора. Он махнул рукой в правую сторону, туда, где дорога чуть уходила под уклон: — Если других предложений нет, идем туда. Там вроде спуск, логика подсказывает, что с горки идти легче, чем в горку, да и люди обычно живут внизу, а не на небе. Возражения есть? Возражений не было. Бабка только громче запричитала по-армянски: «Тер аствац, огиир мез...» (Господи боже, помоги нам...), но покорно потянула свои сумки.

— Ой... — вскрик художницы прозвучал неожиданно звонко в этой вате. Она уже поднялась, стоя чуть в стороне и смотрела не туда, куда показывал он, а ровно в противоположную сторону. — Посмотрите. Там... Она медленно подняла руку, указывая в гущу серой мглы слева.

Егор обернулся. Сначала он ничего не увидел — только тот же серый кисель. Но потом туман дрогнул, пошёл тяжёлыми, маслянистыми волнами, словно занавес, который дёрнули с той стороны.

Сначала появился звук — не стук колёс по асфальту, а мягкое, тяжёлое шарканье и глухой скрип, будто дерево тёрлось о дерево. А потом из молока начало выплывать ЭТО.

Из серой стены выступила первая фигура. За ней потянулись остальные.

Группа замерла. Кооператор, который только что нервно мерил шагами край дороги, застыл на полушаге, как подстреленный. Рафик вскочил с корточек — резко, неловко — и чуть не упал, схватившись за плечо Бабки. Та охнула, выронила узел и забормотала что-то быстрое, неразборчивое, то ли молитву, то ли проклятие.

Бэмби так и осталась сидеть на дублёнке, только вжала голову в плечи и вцепилась пальцами в мех, будто он мог её защитить.

Никто не знал, что делать. Бежать? Прятаться? Куда прятаться — в туман? Все смотрели на выплывающие из серого молока силуэты и не могли отвести глаз.

... Впереди, тяжело переставляя конечности, двигались массивные животные. Быки — или то, что напоминало быков. Огромные, с покатыми, мощными холками. Шкуры цвета сырой глины лоснились от влаги. Под кожей перекачивались неестественно раздутые, бугристые мышцы — как будто кто-то лепил их из памяти, но забыл детали. Животные дышали ровно, выпуская из ноздрей густые струи пара.

Они тянули телеги. Егор насчитал семь штук. Тяжёлые платформы с высокими бортами, сбитыми из тёмного бруса, похожего на старые железнодорожные шпалы. Колёса, обросшие серым мхом — или чем-то, что *выглядело* как мох, — глухо чавкали, вдавливаясь в упругое «мясо» дороги.

Но всё внимание приковывали те, кто управлял этим обозом.

Это были люди, упакованные так, словно шли сквозь кислотный ливень. Ни сантиметра живой плоти наружу. Фигуры кутались в длинные бесформенные плащи из ткани, которая выглядела жёсткой, стояла колом на сгибах и блестела от въевшегося масла и вековой грязи.

На груди, прямо поверх этой одежды, выделялись тяжёлые, матового цвета бляхи, овальной формы, размером с растопыренную ладонь взрослого мужчины. В центре каждой, можно было рассмотреть “Колесо”, похожее на колеса телег, которыми они управляли.

Кисти рук были спрятаны в огромные, грубые рукавицы. Головы караванщиков были наглухо закрыты. У погонщика, ведущего первого быка, лицо скрывала маска из материала, похожего на грубую резину. Ржавая жестяная банка фильтра была вкручена прямо в лицевую часть, превращая голову в вытянутое, тупое рыло. Глаза прятались за толстыми стёклами в металлической оправе, а бляха с колесом на его груди отливала тусклым, холодным серебром.»

Люди на телегах сидели плотными, сбитыми кучами, плечом к плечу, словно стараясь создать единый кокон. На их головах громоздились клёпаные цилиндры и ржавые вёдра, уходящие краями глубоко под жёсткие воротники. Металл был обмотан ветошью, поверх которой на ремнях крепились очки — толстые, круглые, будто вырезанные из консервных банок.

Караван двигался медленно, сопровождаемый тяжёлым сопением животных и силовым свистом воздуха, проходящего через фильтры. Казалось, сама усталость обрела здесь физическую форму.

... Все стояли в оцепенении. Бабка давилась молитвой. Соска-бэмби забыла закрыть рот. Они просто стояли и смотрели, как из небытия на них надвигается эта процессия.

Когда погонщик второго быка поравнялся с группой, он натянул повод. Бык встал.

Фигура в маске медленно, всем корпусом, развернулась к обочине.

Мутные стёкла уставились на Егора.

В жестяной банке фильтра что-то щёлкнуло, и оттуда донёсся плоский, глухой голос...

— Sex. Omnes.

Егор оторопел. Он узнал фонетику — латынь. Зубрёжка анатомических атласов не прошла бесследно. Но именно что фонетику: смысл возник в голове сам, мгновенно, без привязки к переводу слов: «Шестеро. Все».

— Латынь? Да куда мы блять попали?

Короткий жест рукой в брезентовой рукавице:

— *Manete*. (Ждать)

Рыло с банкой вместо носа прошла вдоль строя. Взгляд сквозь мутные стекла не задерживался на лицах — он скользил по фигурам, оценивая комплекцию и целостность конечностей. Остановился в конце И развернувшись к своим начал жестами и короткими выкриками давать указания. Другие, с ведрами на головах начали молча перегружать ящики с одной телеги на другую.

Софья стояла, вцепившись в ремень своего этюдника так, что пальцы побелели. В ватной тишине раздался всхлип. Бэмби, прижавшись к Кооператору, прошептала, давясь слезами: — Валера... я сейчас описаюсь... Мне страшно. — Терпи, — сквозь зубы процедил Кооператор, не поворачивая головы. — Терпи, дура, не вздумай. Софью словно ледяной водой облили. Чужой животный страх срезонировал с её собственным. Она вдруг поняла, что её саму колотит мелкая дрожь, а низ живота сводит спазмом. Никаких мыслей о картинах, композиции или цвете. Только холодный, липкий ужас и желание сжаться в комок, чтобы не потекло по ногам.

Караванщики закончили.

Егор видел, как «Рыло Босс» подошел к освободившейся телеге. Резким движением откинул тяжелый, промасленный полог тента, из соседней повозки вытащил ком тряпья и швырнул его на дно, к ногам группы.

— *Induimini*. (Одевайтесь).

Егор поднял край. Плащи. Ткань стояла колом, воняло кислым жиром. Караванщик ударил кулаком себя в грудь, в железную пластину. Раздался глухой звук.

— *Decem ictus. Deinde movebimus*. (Десять ударов), — бросил он равнодушно. — Потом едем. И, не оглядываясь, пошагал к головному быку.

— Живо! — выкрикнул Егор. Схватил балахон, сунул Софье. Второй начал натягивать на себя. Ткань была ледяной, жесткой как жесть. Остальные завозились, натягивая вонючие мешки. — В телегу! Под тент! Егор буквально закинул Софью на платформу. Подсадил Бабку. Кооператор ввалился внутрь, таща за собой Бэмби. Рафик, путаясь в полах плаща, перевалил через борт армянский скарб.

Едва ноги Рафика скрылись под навесом, ось скрипнула. Быки дернули. Телега пошла. Егор рванул к заднему борту, ухватился за край и рывком перебросил тело внутрь, больно ударившись коленом. Полог тента захлопнулся, отрезая их от внешнего мира.

Под тентом было не продохнуть. Воняло прогорклым брезентом и кислым жиром от плащей. Егор сидел, вжимаясь спиной в борт. Колено ныло — приложился при посадке. Телегу мотало. Колёса глухо пересчитывали ухабы. Скрип осей, сопение быков, шарканье копыт сливались в монотонный, давящий гул.

Телегу швыряло из стороны в сторону. На очередном ухабе Софью бросило плечом в борт, и она едва успела выставить руку. Доски были влажными, скользкими от конденсата. Воздух под тентом казался густым, как кисель — им приходилось не дышать, а глотать его. Пахло прогорклым жиром от плащей, чьим-то потом и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным. Софья старалась дышать ртом, но от этого становилось только хуже.

Очередной толчок подбросил всех на месте. В мозгу Егора вспыхнула картинка: розовая, бугристая дорога. «Келоид, — мелькнуло в голове. — Рубцовая ткань. Шрам».

Он попытался собрать мысли в кучу. «Ладно. По порядку». Первое: они упали. С высоты. «Рафик» улетел с серпантина, прокувыркался метров тридцать. Если не больше. Этажей девять, считай. «При таком раскладе — компрессионные переломы, ливер всмятку, черепно-мозговая. В лучшем случае — овощ в коме. В худшем — фарш в консервной банке».

Егор уставился на свои руки. Целые. Пальцы шевелятся. Ощупал рёбра — всё на месте, ни хруста, ни боли.

«Теперь второе». Напротив, вцепившись в этюдник, сидела Софья. Бэмби вжалась в Кооператора. Рафик кемарил. Бабка что-то бубнила себе под нос, перебирая узлы на тюках. «Ни у кого ни царапины. Все целы».

Взгляд упал на спортивную сумку. Молния застёгнута. Ремень на месте. «Я не помню, как тащил её из машины. Провал». Он перевёл взгляд на баулы Бабки. Три клетчатых монстра. «Вытащить их она не могла. Физически. Времени не было — мы, должно быть, высыпались наружу как горох».

Телегу снова тряхнуло. Из недр сумки звякнуло стекло. «Хотя... не всё уцелело. Парой банок пожертвовали. Аджикой несёт за версту». Егор криво усмехнулся. «Банки вдребезги. А люди — нет».

Закатал рукав. «Командирские». Механика. Стрелки замерли. «Когда я их заводил? В поезде? Не помню. После той квартиры время вообще перестало иметь значение». Егор уронил руку. «Егорушка, — сказал он себе беззвучно. — У меня для тебя плохие новости». Губы снова дёрнулись в усмешке. «Ты умер».

Он поднял голову, обводя взглядом попутчиков. Лица. Они светились. Тускло, но отчётливо — как холодная люминесценция, как фосфор на циферблате в темноте. Софья, Бабка, Кооператор — кожа источала мягкий, мертвенный свет. Кисти рук тоже. Всё, что не было спрятано под грубой тканью плащей. Светился борт телеги. Тент над головой. Плащи приглушали сияние, но открытые участки мерцали в полумраке.

«Точно, — утвердился в мысли Егор. — Загробный мир». Сарказм накатила волной, холодный и отстранённый. «Умер, не умер... Кто там из умников ляпнул: “Мы не умрём, но мы изменимся”?» Он посмотрел на свои ладони. Они тоже испускали бледное свечение. «Ну вот. Теперь я лампочка».

Тишина давила. Скрип осей да тяжёлое сопение быков — монотонный гул, от которого пустота внутри только звенела громче.

Егор выдохнул.

— Народ, — произнёс он негромко.

— У меня для вас две новости.

Одна хорошая, одна плохая. С какой начать? Все замерли.

Софья подняла глаза. Кооператор уставился на него в упор. Бабка смолкла. Егор выдержал паузу. Ответа не последовало.

— Ладно, начну с хорошей.

Мы умерли. Слова повисли в душном воздухе.

— А плохая в том, что не до конца. И нам ещё придётся умирать. Возможно, не один раз. Он коротко, сухо усмехнулся. Тишина треснула.

5.

Софья замерла. Слова Егора повисли в воздухе, тяжёлые, как свинец. «Умерли», — эхом отозвалось в голове. Она попыталась возразить, но язык не слушался. Внутри поднималась паника, холодная и липкая, как та слизь на дороге.

— Хрень не неси! — рявкнул Валера, резко подаваясь вперёд. — Я ссать хочу, аж зубы сводит! Он мотнул головой, будто стряхивал липкую паутину. — Мёртвые не ссут, понял?! Голос сорвался на визг.

Бэмби всхлипнула. Сначала тихо. Потом громче. Звук нарастал — тонкий, животный скулёж, переходящий в икоту. — Валера... — прошептала она, вжимаясь в его куртку до победения пальцев. — Валера, мне страшно... Голос сорвался. Дыхание зачастило, всхлипы стали резкими, рваными.

— Эй, хозяин жизни, — ровно и твердо сказал Егор, глядя на Кооператора. — Валера, да? Угони даму твоего сердца, а то она сейчас всех здесь на уши поставит.

Кооператор резко развернулся к Бэмби, схватил её за плечи. — Заткнись, — процедил он сквозь зубы. — Слышишь? Заткнись! Встряхнул её — грубо, зло. Не помогло. Тогда он рывком притянул её к себе, зажав рот ладонью. — Тихо, — уже мягче, почти шёпотом. — Тихо, Ирка. Я рядом. Она задрожала в его руках, но звук оборвался.

Повисла тишина. Только скрип осей и сопение быков снаружи. Бэмби тихо всхлипывала в ладонь Кооператора, но уже без истерики — выдохлась. Он держал её крепко, уткнувшись подбородком в макушку, и смотрел в одну точку. Лицо у него было серым, осунувшимся. Куда девался тот наглый мужик с дублёнкой и хозяйскими замашками — сейчас он выглядел как человек, который понял, что его деньги и связи здесь ничего не стоят.

Бабка перекрестилась. Потом ещё раз. Пальцы металась по груди, плечам, лбу — быстро, судорожно, будто она пыталась завязать на себе невидимый узел защиты.

— Демоны... — прошипела она, глядя в пустоту расширенными от ужаса глазами. — Я так и знала! Это Ад!

Она резко превсталась, повернулась к Егору, вцепившись в рукав его плаща скрюченными пальцами:

— Ты слышал того, в наморднике? Он же не по-нашему говорил! Гавкал что-то, как пёс цепной, тьфу!

С силой, до красного пятна, ткнула себя пальцем в висок: — А я всё поняла! Сюда говорил! Прямо в мозги лез, ирод! Я слов таких не знаю, а голос внутри слышу: «Шестеро», говорит... «Одевайтесь», говорит... Это бесы, сынок! Точно бесы! В душу лезут без спросу!

Её затрясло. С губ сорвался поток ругани — армянской, русской, вперемешку с молитвами.

— Тер аствац... Боже... Ахмах... Кун энем... Сука... Вор чка...

Она крестилась и материлась одновременно. Слова сливались в единый, яростный речитатив — богохульную смесь просьбы о спасении и грязной площадной брани, которой она пыталась перекрыть чужой голос, всё ещё звучащий в голове.

Рафик вжал голову в плечи ещё сильнее. Сидя в позе эмбриона и обхватив колени, он издал звук — глухой, сдавленный стон загнанного зверя. Егор и Софья одновременно повернулись к нему.

Софья смотрела на ссутуленную фигуру, на опущенную голову, на побелевшие костяшки пальцев, вцепившихся в штанины. «Ну, в этот раз нам действительно “Рафик виноватый” попался», — подумала она без злости, почти механически. Губы дёрнулись в усмешке. Горькой, мимолётной. Она отвела взгляд, посмотрела вокруг.

Светился борт телеги. Тент над головой. Светились лица — слабо, но отчётливо. Мягкий, мертвенный свет исходил от кожи Егора, Бабки, Кооператора. От пальцев, от шеи, от скулы — от всего, что не закрыла ткань. «Как гнилушки в лесу», — мелькнуло в голове, и сразу потянуло за собой: тёплая сырость, чернота под корой, зелёные отсветы на ладони, когда случайно раздавишь труху. Здесь было так же — только вместо трухи были люди, и свет шёл изнутри.

Софья сжала этюдник сильнее. — Хотела в горы, — сказала она в пустоту, глядя в пол. — Получила. Она поправила этюдник на коленях и, глубоко вздохнув, замолчала, уставившись вниз.

Но внутри что-то скреблось наружу — тихо, настойчиво, как заноза под кожей. Она пыталась отогнать это ощущение, но оно возвращалось. Что-то было не так. Что-то она видела, но не успела осознать.

Быки.

Софья прикрыла глаза, пытаясь вспомнить. Когда они подходили к повозкам. Когда караванчики перегружали ящики. Быки стояли, тяжело дыша. Она видела их морды — массивные, с покатыми лбами. Из ноздрей шёл пар. Белесые клубы в сером тумане. Нет. Не у всех. Софья напряглась, фокусируясь на воспоминании. Один бык. Второй слева. Он тоже дышал тяжело — бока вздымались, шея была мокрой от пота. Но пара не было. «Странно», — подумала она. Почему? Она попыталась вспомнить школьную биологию. Быки дышат носом. Всегда. Они могут дышать ртом, но только если нос заложен или в стрессе. А тут — работа, груз, холод. Должен быть пар. У всех остальных был. «Может, я неправильно видела?» Нет. Она видела. Художник замечает детали. Она помнила: у того быка из ноздрей ничего не шло. Вообще ничего. «Может, он дышал ртом?» Тогда пар шёл бы изо рта. Но его не было. «Значит... он вообще не дышал?»

Софья открыла глаза. Холодок пробежал по спине. Как это возможно? Бык тянет телегу, работает — и не дышит? Она попыталась вспомнить морду того быка. Нос. Ноздри. И тут её пробило. Ноздрей не было. Там, где должны быть дырки — была гладкая поверхность. Как будто нос слепили, но забыли проковырять отверстия. Это было похоже на пластилиновый слепок — без отверстий, без жизни.

«Нет, — одёрнула себя Софья. — Этого не может быть. Я просто плохо видела. Туман был. Шок». Но ощущение не уходило. Она посмотрела на борт телеги. На тент над головой. На светящиеся лица вокруг. «Это сон, — подумала она вдруг, цепляясь за эту мысль, как за спасательный круг. — Просто сон. Мы не умерли. Мы спим. И скоро проснёмся». Это объяснение успокаивало. Сны бывают странными. В снах быки могут не дышать. В снах люди светятся. «Да. Это сон. Точно».

Но одной ей было страшно держать эту мысль. Нужно было с кем-то поговорить. Проверить. Софья подняла голову. Егор сидел напротив, прислонившись спиной к борту. Лицо спокойное, отстранённое. Она сглотнула. — Можно я сяду рядом с тобой? — спросила она тихо. Егор поднял взгляд, кивнул. Подвинулся, освобождая место. Софья осторожно поднялась, перешагнула через чей-то баул и опустилась рядом с ним на жёсткие доски. — Софья, — представилась она. — Егор, — коротко ответил он.

Она помолчала, потом сказала: — Спасибо. За чемодан. И за то, что... ну, взял командование на себя. А то мы бы до сих пор стояли в том тумане и спорили, куда идти. Егор усмехнулся. Сухо, без радости. — Ещё ничего не кончилось. Я не знаю, где мы и что будет дальше. Вполне возможно, я не смогу вас защитить. Софья посмотрела на него. В его голосе не было ни бравады, ни фальши. Просто честность. Она вздохнула. — Знаешь... — начала она осторожно. — Мне кажется, что мы не умерли. Это просто сон. Мы просто спим, и мы должны проснуться. Поэтому не всё так плохо. Я почему-то в этом уверена.

Егор посмотрел на неё. Долго. Потом отвёл взгляд. — А что такое сон? — спросил он негромко, почти себе под нос. Софья моргнула. — Что? — Сон, — повторил он, глядя на

свои руки. — Что это такое? Если мы сейчас это переживаем — чувствуем холод, страх, боль — значит, для нас это реально. Сон это или нет — какая разница, если последствия те же? Софья замолчала. Его слова ложились тяжело, как камни. — Ты... ты не веришь в жизнь после смерти? — осторожно спросила она. Егор пожал плечами.

— Я агностик. Не знаю, есть она или нет.

— Агностик, — повторила Софья, словно пробуя слово на вкус.

— Это греческое?

— Угу. Гнозис — знание. "А" — отрицание. Тот, кто признаёт, что не знает.

Но если это она... — он обвёл рукой телегу, тент, светящиеся лица вокруг, — то она не такая, как нам обещали.

Софья сглотнула. Ей хотелось возразить, но слова застряли в горле.

Егор посмотрел на неё.

— Но если тебе легче думать, что это сон — думай, — сказал он спокойно. — Может, ты и права. Я не знаю.

Он помолчал, потом добавил мягче:

— Главное — принимать всё как оно есть. Прямо сейчас. Не заморачиваться на том, что мы не можем понять. Пока мы живы, дышим, двигаемся — это уже хорошо.

— Диагноз — тоже от гнозиса? — вдруг спросила она. Сама не поняла, зачем. Может, просто хотелось говорить о чём-то понятном.

Егор чуть усмехнулся.

— Ага. "Диа" — сквозь. Увидеть знание через симптомы. Прогноз — знание наперёд.

— У художников тоже греческий вездё, — сказала Софья тихо. — Хроматика, пластика...

— Ну вот. Почти коллеги.

Он посмотрел на неё и коротко, чуть криво улыбнулся. Не весело, но по-человечески.

Софья выдохнула. Напряжение чуть отпустило.

— Ну ты умеешь поддержать девушку, — сказала она с лёгкой усмешкой.

Егор тихо хмыкнул.

— Стараюсь.

Она тоже слабо улыбнулась. Первый раз за всё это время. Они замолчали. Сидели рядом, слушая скрип осей и тяжёлое сопение быков снаружи. Но теперь молчание было не таким давящим.

Софья незаметно для себя чуть придвинулась к Егору. Не вплотную, но ближе. Так было теплее. Или просто менее страшно. Егор этого не заметил. Или сделал вид, что не заметил. Телега продолжала трястись. Колёса чавкали по розовой дороге. И в этом монотонном гуле Софья вдруг поймала себя на мысли: «Может, мы и правда умерли. Но пока мы вместе — мы ещё живы».

... Софья приподняла край тента двумя пальцами — не сразу, осторожно, будто боялась, что то, что снаружи, увидит её раньше. Всё тот же мутный, молочный свет, как через грязное стекло. Он лёг на глаза неприятной пеленой.

Впереди поднималась стена — невысокая, но тяжёлая.

Камень выглядел изнуренным. Не древним, а именно вымотанным, словно тяжесть стены держалась не на растворе, а на одном лишь глухом, непосильном напряжении, которое не давало ей обрушиться.

Дорога под телегой была всё той же — не дорогой, а шрамом. Она шла прямо к воротам, вздутая, неровная, с глянцевыми наплывами. Колёса вгрызались в эту массу со скрипом, словно пытались не дать этой плоти зажить. И этот сухой звук казался здесь чужеродным — слишком понятным, слишком земным.

Софья вдруг поймала себя на мысли, что дорога будто медленно втягивает телегу, не сопротивляясь, но и не помогая.

Они подъезжали к воротам. Металл, камень, какие-то стяжки были врезаны в стену грубо, с заметной асимметрией. Всё выглядело так, будто их латали много раз и каждый раз по-разному.

Над проёмом замерла вертикальная шкала — безжизненная темная линейка, похожая на городской термометр, лишенный цифр. Вместо них — бледные риски и три круга, застывших как незрячие глаза: белый вверху, мертвый черно-белый посередине и глухой черный, рядом с нижним краем.

Рядом — башенка, и в ней кто-то двигался. Раздался удар колокола. Человек выглянул из башенки и длинным шестом передвинул ползунок на одно деление вниз.

Запах к ней пришёл позже. Не вонь — смесь влажного камня, старого железа и чего-то тёплого, почти живого. Софья сглотнула. Внутри что-то неприятно щёлкнуло — что-то не оформленное, ещё без имени. Она поняла, что город проверяет её. Не глазами. Он примеривал её к себе, как одежду — подойдёт или порвётся. Она отпрянула вглубь и выдохнула только тогда, когда ткань снова закрыла щель.

— Он настоящий, — сказала она тихо, не глядя ни на кого.

И сразу поняла, что ошиблась со словом.

Караван остановился. Повозка качнулась вперёд, тяжело осела, будто выпустив дух, и замерла. Снаружи, сквозь плотную ткань тента, просочились голоса — глухие, плоские, словно слова пробивались через слои ваты.

Первым откликнулся голос, похожий на главного караванщика. Низкий, ровный, без лишних слов:

— *Ex Zalomo. Pleni.* (Из Залома. Полные).

Пауза повисла тяжелая, физически ощутимая. Затем ответил другой — гулкий, резонирующий, будто говорил не человек, а пустое жестяное ведро:

— *Manete. Praefectum voco.* (Ждите. Старшего позову).

Шаги удалились — не стук каблучков, а влажные, глухие шлепки по упругой рубцовой ткани дороги. Внутри повозки сгустилась тишина. Софья сжалась в комок, обхватив колени. В полумраке её лицо и кисти рук, не скрытые одеждой, источали слабый, тревожный свет — как фосфор. Егор замер рядом, превратившись в слух.

Снова шаги. Тяжёлые, мягкие, будто кто-то шёл по плотной резине. Они приблизились и замерли у самой границы их мира.

Новый голос. Тоже искаженный преградой маски, но более чёткий, властный, словно пропущенный через качественную мембрану:

— *Salve. Ex Zalomo reditis? Quomodo via?*

(Приветствую. Вернулись из Залома? Как дорога?).

— *Via tenet. Bene. Merx integra.* (Дорога держит. Нормально), — ответил знакомый голос старшего.

— *Sex recentes invenimus in via.* (Груз целый. Подобрали по пути шестерых свежаков).

— *Optime. Ostendite.* (Отлично. Покажите).

Ткань рванули в сторону. Резко.

Мутный, белесый свет «белой ночи» хлынул внутрь. Пространство разомкнулось, и пассажиры инстинктивно поёжились, чувствуя себя голыми.

Бэмби вжалась в Кооператора так, будто хотела залезть ему под кожу. Он обнял её машинально, но сам смотрел на фигуры снаружи, не мигая, — как кролик на удава. Бабка беззвучно шевелила губами, то ли молилась, то ли проклинала, пальцы её скребли по ткани плаща. Рафик вообще не поднял головы — сидел, вжавшись в угол, и, кажется, старался не дышать.

Софья почувствовала, как холодный воздух снаружи лизнул лицо. Она не могла отвести взгляд от этих фигур — тёмных, безликих, с тускло блестящими бляхами на груди. Внутри всё сжалось в тугой комок.

Их собственные лица в полумраке повозки светились, выдавая их с головой, в то время как фигуры снаружи казались темными провалами в тумане.

Стоявших было двое.

Тот, что ближе — уже знакомый им караванщик. Лицо заменяла сложная конструкция: вытянутое рыло из материала, похожего на темную, задубевшую шкуру или резину. Ржавая банка фильтра была вкручена прямо в «плоть» маски, превращая голову в механизм. На груди, поглощая свет, тускло блестел тяжелый серебряный овал с выдавленным Колесом.

Рядом возвышался второй. Такой же темный, наглухо упакованный в плащ, не пропускающий свечение тела. На его лице сидело такое же механическое рыло с круглыми стеклами окуляров, но на серебряном овале груди вместо колеса проступал четкий контур Башни.

Чуть в стороне, сливаясь с серой стеной, возился с завязками тента третий — рангом ниже. Его голову скрывал грубый шлем, похожий на сплющенное ведро с прорезями, а на груди висела матовая, свинцово-серая бляха тоже с Башней.

«Рыло» с серебряной Башней шагнул ближе. Стекла окуляров уставились вглубь повозки, отражая слабый свет испуганных лиц. Он не разглядывал черты. Он сканировал единицы. Рука в огромной краге поднялась, и пальцы начали попеременно сгибаться.

Один.

Два. Три. Четыре. Пять... Шесть.

Он отступил на шаг.

— Sex. Vivi. Transite. (Шестеро. Живые. Пропускаем)

— Salvete in Lono, recentes. (Добро пожаловать в Лоно, свежаки),
глухо произнёс стражник и махнул рукой.

Его рука, закованная в тяжелую, раструбную крагу из материала, похожего на потрескавшийся асбест, описала дугу. Жест был небрежным, хозяйским.

Никто не ответил. Никто не шевельнулся. Слова повисли в сыром воздухе, и Софья поймала себя на мысли, что не знает — это было приветствие или приговор. Лоно. Название звучало странно. Мягко, почти ласково — и от этого становилось ещё страшнее.

Егор рядом чуть выдохнул — она скорее почувствовала это, чем услышала. Его плечо было напряжённым, твёрдым. Но он не дёргался, не паниковал. Просто ждал.

Где-то наверху гулко, с тяжелой вибрацией ударил колокол. Фигура в будке дернула шест, опуская ползунок шкалы ещё на одно деление вниз.

Тент захлопнулся, отрезая их от внешнего мира. Снаружи донеслись удаляющиеся голоса, уже смазанные, неразборчивые. Повозка дёрнулась и, скрипя осями, покатила вперед.

6.

... Ткань снова легла, как влажное веко. Мир сузился до тесного, пахнущего пылью мешка. Снаружи голоса стали глуше, будто их говорили уже не людям, а стене.

Повозку качнуло сильнее. Колёса взобрались на что-то твёрдое, и звук под днищем сменился: вместо привычного шороха шрама — глухой, вязкий гул, как если бы по деревянному ящику тащили по каменной плите.

Егор нашёл щель между бортом и тентом и прижался глазом. Софья, не выдержав, потянулась следом. В тесноте они толкнули друг друга плечами, потом висками — будто кто-то намеренно свёл их головы.

За тканью почти ничего не было видно. Камень вплотную, серый, потный, с тёмными потёками. Иногда в поле зрения проскальзывали толстые столбы — то ли опоры, то ли рёбра — и сразу исчезали. Тусклые полосы света: то совсем темно, то на секунду вспыхнет бледное, размытое пятно и снова гаснет.

Повозку тащило под свод. Звук стал чужим. Людские голоса отвалились куда-то назад, вперёд ушло эхо — короткое, плотное, как в подвале, где стены слишком близко. Каждая кочка отзывалась по тенту, по доскам, по зубам.

Софья вдохнула, и Егор почувствовал этот вдох кожей. Тёплое, чужое дыхание мазнуло по щеке. На секунду стало так, как бывает в переполненном автобусе: чужие тела, чужой воздух, всё слишком близко. Он машинально чуть подался к ней, чтобы не отлететь от следующего толчка, и остался так — плечом в плечо.

Где-то позади, за ними, тяжело, с протяжной вибрацией, что-то захлопнулось. Звук был не металлический — скорее костяной, как если бы гигантский сустав встал на место. Пол под телегой коротко дрогнул, потом застыл.

Впереди снова заскрежетало. Повозку дёрнуло, потянуло вперёд, ещё несколько метров по тесноте, по гулкому камню. Свет впереди посветлел, из полосы превратился в тусклый, ровный прямоугольник.

— Сейчас выйдем, — прошептала Софья. Она цеплялась пальцами в край тент, удерживая щель.

У неё красивые руки. Тонкие, длинные пальцы», — подумалось Егору и он тут же отогнал эту нелепую мысль.

Последний рывок — и свод кончился. Звук обрубил, как ножом. Гул стены остался позади, впереди развернулась тишина. Свет не стал ярким, но по-другому сел на глаза: не бил, а стелился ровно, серой пеленой.

Они выкатились из брюха стены, и перед щелью наконец открылось пространство.

Город встретил их тишиной и запахом. Пахло не дымом и жильем, а сыростью, мокрой известью и чем-то сладковатым, как в старом подвале.

Улица тонула в тумане, но здесь он был другим. Не тот густой, вязкий кисель, который душил их за стенами. Он остался, никуда не делся, но словно отступил, разжал хватку. Раньше мир обрывался в нескольких шагах от лица — теперь перспектива раздвинулась, и глаз наконец мог за что-то зацепиться.

Из дымки выплывали дома. Это были не избы и не дворцы. Вдоль дороги, сходящейся в бесконечный серый коридор, стояли коробки. Серые, грубые кубы в два-три этажа. Они казались монолитными, словно их не строили из кирпичей, а отливали целиком из бетона.

Иногда из тумана появлялись фигуры. Люди — или то, что было людьми. Они двигались вдоль стен, сгорбленные, закутанные в бесформенные балахоны и обмотки. Ткань на них была жёсткой, промасленной, цвета старой грязи. Лица скрывались под капюшонами или тряпич-

ными повязками. Никто не разговаривал. Никто не смотрел на телегу. Они просто шли — молча, медленно, держась ближе к стенам.

Зрение цеплялось за странности. У одного дома окна были темными провалами без рам и стекол — просто дыры в «бетоне». У другого рамы были, но стекло в них не бликовало, будто было нарисовано матовой краской прямо по фасаду. Стены были гладкими, слишком гладкими для старого камня, словно текстура поверхности остановилась на полпути, не проявив себя до конца.

Кое-где у стен громоздились ящики, бочки, тюки — всё того же серого цвета, без надписей, без меток. Город был населён, но казался покинутым. Жизнь здесь текла тихо, прижимаясь к земле.

Но дышать стало легче. Даже не дышать — появилось ощущение, будто раньше огромный комар откачивал из тела через свой кровососущий хобот жизненную силу и наконец, выдернув его, перестал тянуть из тела жилы.

Воздух в кабинете стоял — не мёртвый, а неподвижно правильный. Как строка в таблице, где все цифры сошлись, и больше трогать нельзя.

Здесь, под куполом Внутреннего города, она могла позволить себе роскошь: дышать без фильтра и сидеть в ханьфу. Ткань мягко обнимала плечи, шуршала, когда она двигала рукой, — звук прошлого мира, в который уже нельзя вернуться, но ещё можно вспомнить.

Над столом висела карта Лоно: двенадцать секторов внутреннего города, как зубцы шестерни, вгрызавшейся в пустоту. От внешнего кольца к куполу сходились три толстые полосы — дороги-келоиды Зева, Свода и Залома.

Её дорога. Её сектора: Корну и Сагитта. Два зубца из двенадцати.

В Гексархии три семьи держали дороги — и это давало им определённое преимущество. Не абсолютное, но ощутимое. Остальные три семьи контролировали свои потоки внутри города, и у каждой были свои козыри. Баланс держался на том, что никто не мог позволить себе слишком сильно высунуться.

На столе лежали две глиняные таблички.

Первая — старая, со сводкой последних Плясок: аккуратные насечки, линии, точки.

Корну — плюс двенадцать единиц.

Вторая была свежее, ещё теплее на ощупь. Маленький кусок глины, на котором рука писаря, явно торопясь, вывела несколько условных знаков: дорога Залома, знак телеги, насечка «б» и отметка Центра прибывших. Табличку ей принесла только что рамовая птица — серый, чуть влажный на вид голубь, слепленный Скульптором: мягкие крылья-перепонки, глазки-бусы, когти, в которые он сжимал глину. Голубь теперь сидел на жердочке у окна и чистил клюв, будто он живой по-настоящему, а не по городу.

Шесть свежаков с дороги Залома. Сообщение с внешних ворот пришло заранее, пока телега ещё только тянулась через голое кольцо к внутреннему КПП. Время было. Она отметила точку на карте, сопоставила её с пустым столбцом Плясок под Сагиттой.

«Если они годные, — подумала она, — Сагитта сегодня не провалится».

В дверь постучали. Один раз, чётко, без лишнего.

— *Salve, Domina.* — Голос за дверью был приглушённый, но без уличной глухоты. Внутренний караульный. — *Nuntius: carrus ex Zalomo iam ad portam internam advenit.*

В голове тут же возник смысл произнесённых на чуждом её слуху языке.

Телега из Залома уже у внутренних ворот. Голубь не соврал, график подтвердился.

Она не повернулась к двери.

— #####, — сказала Ли Цзин на мандарине. «Поняла. Уже иду».

Шорох сапог по полу — стражник отступил и застыл на положенном расстоянии.

Ханьфу осталось висеть на спинке кресла. Она носила его только здесь, за закрытой дверью, под куполом. Перед тем как отпустить ткань, она на секунду провела ладонью по гладкому шёлку рукава — привычный, почти забытый жест прощания. Шёлк хранил тепло её кожи на пять секунд дольше, чем любая другая ткань в Лоно.

Сейчас нужно было надеть другую кожу.

Плащ-китель висел рядом, на крючке. Ткань не пыталась быть шёлком — матовая, плотная, цвета мокрого асфальта. Вещь с одной задачей: держать границу. Ли Цзин накинула его на плечи, застёгивая клипсы от ключицы до пояса. Воротник замкнулся под подбородком, скрывая тонкие, едва различимые полоски застарелых ожогов на шее.

На полке ждала маска. Не ведро и не звериное рыло, как у наружной стражи, а что-то более тонкое и злое. Обтекаемая форма, закрывающая нос и рот, без лишних выступов. Два крупных круглых стекла — снаружи обычные, изнутри дававшие лёгкий тёмный фильтр. В них было что-то от головы насекомого: глаза-пузыри, чуть расширенное поле зрения, из-за которого мир становился чужим, но собранным, как картинка, с которой убрали лишний шум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.